

**СОВЕТСКАЯ
ЭТНОГРАФИЯ**

IV

1940

П. П. Иванов

Нара-калпаки

Публикуемая статья «Нара-калпаки» П. П. Иванова является одной из статей, входящих в среднеазиатский том подготовляемого Институтом этнографии Академии Наук СССР к печати четырехтомного издания «Народы СССР». Как и все остальные статьи указанного издания, статья «Нара-калпаки» построена в соответствии с общей программой издания, утвержденной в 1938 г. Отделением общественных наук Академии Наук СССР. Эта программа предусматривает распределение материала каждой статьи по трем основным разделам: 1) общие сведения о данном народе; 2) хозяйство, культура и быт народа к моменту Октябрьской социалистической революции; 3) основные изменения, происшедшие в хозяйстве, культуре и бытовом укладе народа после Октябрьской социалистической революции. Характеристика этих изменений в части экономики дается в каждой статье в весьма сжатой форме. В целях сокращения объема статьи в данном издании опущены или сокращены разделы «Географическая среда», «Антропологическая характеристика» и «Историческая справка».

Редакция считает нужным подчеркнуть, что статья «Нара-калпаки» находится в несколько особом положении по отношению к ряду других статей, помещаемых в среднеазиатском томе четырехтомника «Народы СССР», в виду крайне малой изученности нара-калпаков в этнографическом отношении.

В состав среднеазиатского тома, помимо статьи «Нара-калпаки», войдут статьи о следующих народах: узбеки, казахи, таджики, туркмены, киргизы, припамирские народности, уйгуры, дунгане, среднеазиатские евреи, среднеазиатские цыгане, белуджи, арабы, ягнобцы.

Помещая данную статью для широкого обсуждения, редакция четырехтомника «Народы СССР» обращается с просьбой ко всем читателям «Советской этнографии» присылать свои отзывы и замечания как по поводу общего плана статьи, так и ее конкретного содержания.

*Редакция четырехтомника
«Народы СССР»*

I

Сами себя нара-калпаки называют «кара-калпак», что часто звучит как «кара-алпак» или даже «каралпак». Под этим названием кара-калпаки известны и у соседних народов и в литературе.

По языку и физическим своим признакам кара-калпаки относятся к тюркской группе народов.

Общая численность кара-калпаков, по данным Всесоюзной переписи 1926 г., определяется в 142 588 человек, из которых 74 411 мужчин и 68 277 женщин. Из указанного общего числа живет в Кара-Калпакской АССР 116 125 человек и вне

ее, в пределах Узбекской ССР — 26 563 человека. В сельских местностях Кара-Калпакской АССР живет 112 074 человека, в городах — 4066 человек. Все кара-калпаки говорят на своем родном языке, за исключением небольших изолированных групп, усвоивших язык окружающих их народов (казахский, узбекский).

Расселение и административное устройство. Подавляющее большинство кара-калпаков живет на территории Кара-Калпакской АССР, входящей в настоящее время на основе Сталинской Конституции в состав Узбекской ССР.

Помимо кара-калпаков, на территории Кара-Калпакской АССР живут также узбеки, казахи, туркмены, русские и некоторые другие национальности. В настоящее время республика делится на 12 административных районов. Большинство кара-калпакского населения проживает на территории Чимбайского и других смежных с ним районов, расположенных в дельте Аму-дарьи. За пределами Кара-Калпакской АССР некоторая часть кара-калпаков живет в пределах Узбекской ССР — в Ферганской долине (18 520 человек), а также Кеннимехском районе (5938 человек) и Хорезмской области (1305 человек). Кроме того, около 1500 человек кара-калпаков зарегистрировано в Ташаузской области Туркменской ССР и около 1200 человек — в Казахской ССР.

Столицей Кара-Калпакии является город Турткуль (бывшее укрепление Петро-Александровское, основанное в 1873 г.), расположенный на правом берегу Аму-дарьи.¹

Подразделения и обособленные части. До революции кара-калпаки делились на ряд обособленных друг от друга племен, каждое из которых имело множество своих подразделений. В настоящее время все такого рода подразделения утратили свое значение и постепенно забываются населением. В связи с различного рода тревожными политическими событиями отдаленного прошлого, части отдельных каракалпакских племен отделились в XVII—XVIII вв. от общей массы своего народа и поселились в различных районах Узбекистана (Фергана, долина Зеравшана и некоторые другие). Часть выселившихся таким образом кара-калпаков слилась со временем с окружающими узбеками, другие до сих пор сохранили свой язык и национально-этнические особенности; тем не менее родственных связей между данными группами кара-калпаков и основной массой их оплеменников, живущих на территории Кара-Калпакской АССР, не существует.

II

Основные занятия. Земледелие среди кара-калпаков довольно широко распространено уже начиная по крайней мере с XVII в. Большинство путешественников, наблюдавших хозяйственную жизнь кара-калпаков на протяжении большей части XIX в., говорит о кара-калпаках, как о народе преимущественно земледельческом. Это подтверждается также данными Всероссийской переписи 1897 г. Из общего количества 93 200 кара-калпаков, зарегистрированных (по признаку языка) указанной переписью, земледелием занималось 80 700 человек, или около 87%. В качестве скотоводов зарегистрировано только 9400 человек, или около 10%. Вне указанных двух отраслей хозяйства было занято только 3100 человек, или около 3—4%.

Существенным дополнением к земледелию являлись скотоводство и рыболовство. Гораздо меньшее значение имели кустарные промыслы и прочие внеземледельческие занятия.

Земледельческое хозяйство в районах, занятых кара-калпаками, находится в непосредственной зависимости от режима Аму-дарьи. Вследствие постоянного перемещения главных рукавов и русел тот или иной район, расположенный вблизи

¹ В Петро-Александровске в 1909 г. населения насчитывалось 2788 человек.

водной артерии и вполне обеспеченный поэтому влагой, оказывается через некоторое время непригодным для земледелия, поскольку питающая его водная магистраль пересыхает или меняет свое направление. Одновременно с высыханием почвы в одних районах, в других наблюдается резкое увеличение количества воды — до затопления обширных местностей, что так же губительно действовало на земледелие, как и засуха.

Подобные изменения режима орошения, при низком уровне техники оросительных и мелиоративных работ, отражались на земледелии кара-калпаков чрезвычайно губительно. Большинство хозяйств разорялось; выдерживали только наиболее сильные из земледельческих и скотоводческих хозяйств, причем земледельческие хозяйства часто вынуждены были переходить к скотоводству.

Прежнее крупное землевладение племенной и служилой знати и других влиятельных при хивинском владычестве лиц после российского завоевания постепенно исчезло. Не заинтересованное в сохранении могущества и привилегий прежней знати, царское правительство объявило эти земли государственными, передав их в пользование лиц, которые эту землю обрабатывали, но оставило в силе все поборы, взимаемые при ханском владычестве. Таким образом основные земельные фонды передавались в собственность сельских обществ, получавших при этом право пользоваться ими как на основе общинного, так и подворнонаследственного владения.

Производившееся в 1912 г. обследование района показывает, что подавляющее большинство сельских обществ владеет своими пашнями на основе подворнонаследственного права и лишь незначительная часть (6,9%) — на началах общинных. Формы общинного землевладения создались главным образом в тех районах, где населению общими силами приходилось постоянно бороться с разрушительной силой реки. Переделы общинных земель производились лишь в те годы, когда воды для полива оказывалось недостаточно, что выяснялось уже в начале весны, до посева. В таких случаях общество разбивалось на группы по 50 хозяйств, и эти группы выделяли своих особых представителей, так называемых мирабов, которые делили всю землю на участки по числу групп. После обмера участки разбивались на 5 равных частей (по десяткам), каждая из которых делилась на 10 равноценных долей — по числу хозяйств, входящих в «десяток». После этого на каждый отдельный участок бросался жребий, при помощи которого определялась земля каждого отдельного хозяйства. Значительную роль при передаче земли играли пережитки родовых и племенных отношений. Нередко земля разверстывалась сначала по племенам и их подразделениям, а последние внутри себя производили распределение по отдельным хозяйствам.

В годы, когда недостатка в воде не намечалось, переделов не производилось. Пастбища и сенокосы в тех случаях, когда они располагались вне усадебных земель, находились в общем пользовании. Значительную остроту представлял также вопрос о распределении воды для поливов, вызывавший нередко большие споры и даже кровавую вражду между отдельными обществами. Один из основных общих принципов при распределении воды заключался в том, что право на орошение принадлежало лишь тому, кто принимал участие в проведении того или иного магистрального канала. В тех случаях, когда сооружения магистрального канала не требовалось, т. е. когда удобные земли располагались вблизи естественных источников, землей и водой пользовался тот, кто первым захватил их. Поливка полей производилась не каждым хозяйством в отдельности, а целыми группами, в соответствии с устанавливаемой очередностью. Особые трудности распределение воды представляло в маловодные годы, когда количество воды, выделявшейся для каждого хозяйства, составляло минимум и оказывалось часто недостаточным. Чем меньше воды, тем большее число хозяйств объединялось для одновременной поливки своих посевов, тем меньшее количество доставалось на долю каждого из них. Исключительно большие средства и время затрачивались населением на ежегодный ремонт ирригационной системы (казу) и постоянное наблюдение за ее

исправностью. В тех случаях, когда русло магистрального канала было глубоким и поле располагалось выше уровня воды в канале, орошение производилось посредством чигиря.¹

Размеры посевной площади у большинства хозяйств были невелики. Часть малоземельного и безземельного крестьянства, лишенная рабочего скота и необходимого инвентаря, сдавала свою землю в аренду; другие сами прибегали к аренде, практиковавшейся обычно в издольных формах и сочетавшейся нередко с различными видами совместной обработки земли. Доли арендаторов и владельца земли резко колебались в зависимости от различных условий. В тех случаях, напр., когда в роли землевладельца выступал бедняк, не имевший ни живого, ни мертвого инвентаря и вкладывавший свой труд наравне с арендатором, урожай делился пополам. В других случаях, когда хозяин предоставлял только землю, он получал около одной четверти урожая. Урожай делился пополам также в тех случаях, когда владелец, кроме земли, предоставлял издольщику еще и семена и весь необходимый инвентарь, не принимая непосредственного участия в работе. Несмотря на незначительные обычно размеры арендуемой площади (в среднем 1—1,5 га), положение многих безземельных и малоземельных издольщиков-арендаторов было тяжелым, так как нередко в связи с недостатком воды и неурожаем они оказывались неплатными должниками богатых землевладельцев и попадали в кабальную зависимость от них.

Техника земледелия в рассматриваемый период отличалась необычайной примитивностью. Вспашка производилась посредством простой деревянной сохи (кунд-агаш), с четырехугольным чугуном наконечником — сошником (тыс). В качестве борона (мала) употреблялась простая толстая доска или брусок длиной от 2 до 2,5 м и шириной до 0,5 м, прикрытывавшиеся к дышлу. В борону так же, как и в соху, впрягалась пара быков. Иногда для увеличения тяжести на борону становились люди — один или двое. Посредством такой бороны крупные комки раздробляются или вдавливаются. Приглаженная таким образом поверхность поля становится удобной для равномерного напуска воды. В числе наиболее употребительных сельскохозяйственных орудий первое место занимал кетмень. Главным уборочным орудием являлся серп (кол-урак), с зазубренным лезвием и значительно меньшим изгибом, чем у русского серпа. Молотили исключительно ногами животных, которых гоняли по разложенным на гумне снопам до тех пор, пока не было достигнуто раздробление всех колосьев вместе с соломой.

Борьба с распространением здесь повсюду засолением почвы, устройство чигирного орошения и ряд работ, связанных с испарением содержанием оросительной сети и т. п., — все это создало для кара-калпаков исключительные трудности, но, несмотря на это, а также на крайне низкий уровень техники, обработка почвы у кара-калпаков отличалась необычайной тщательностью.

Наиболее распространенными культурами в каракалпакских районах до революции являлись пшеница, джугара и просо; имели значение также маш, ячмень, рис, кукуруза, конопля (кендырь), лен, люцерна, разводившаяся одновременно и в целях получения семян, а также бахчево-огородные растения (дыня, тыква, арбуз, морковь, лук и т. д.). Хлопок, игравший уже в конце XIX в. довольно значительную роль в центральных районах Амударьинского отдела, среди кара-калпаков особым распространением не пользовался главным образом в связи с небезопасностью поливов и, отчасти, некоторыми климатическими

¹ Чигирь — большое колесо, с прикрепленными к внешней стороне обода на определенном расстоянии один от другого глиняными кувшинами. Диаметр колеса должен соответствовать расстоянию между уровнем воды в источнике и уровнем орошаемой площади земли. Чигирь приводится в движение посредством силы животных (лошади, осла или верблюда). По мере вращения колеса вода зачерпывается кувшинами, затем при подъеме соответствующей части окружности колеса она механически выливается сначала в жолоб, откуда по небольшой канаве пропускается на поле. Когда орошение производится из мелких ручьев или источников, устраиваются особые водосборные ямы, из которых вода посредством желобов выводится на поле.

особенностями района. Пшеница засеивалась как озимая, так и яровая, причем предпочтение оказывалось первой главным образом потому, что озимые посевы поливаются излишком осенних вод и вследствие этого они менее чувствительны к недостаточности весенних поливов. Сеется озимая пшеница в первой половине сентября, уборка производится в конце июня — в начале июля. Яровые сорта пшеницы высеваются обычно в первой половине апреля, снимаются в начале июля.

Джугара имела значение главным образом продовольственной культуры наряду с пшеницей и просом. Наряду с высокой урожайностью (до 260 пудов с 1 га) джугара удобна также тем, что легко приспособляется к засоленным местным почвам. Сев джугары производится в конце мая — в начале июня, уборка происходит с приближением первых осенних заморозков (начало октября). Просо (тары), как и джугара, представляло одну из важных продовольственных культур, посевы которой и были широко распространены во всех районах Кара-Калпакии. Сев производится во второй половине июня, уборка — около середины сентября. Из разновидностей проса следует отметить «сунак» или «чигин», имевший обычно кормовое значение и лишь в неурожайные годы употреблявшийся в пищу. Как уже отмечалось, посевы хлопчатника мало затрагивали районы, занятые кара-калпаками, и были распространены в рассматриваемое время главным образом в южной части Амударьинского отдела, преимущественно в Шураханском участке. Даже в 1912 г. посевов американского хлопка в Чимбайском районе не производилось почти вовсе, было засеяно лишь около 600 дес. местного сорта.

Скотоводство среди кара-калпаков, как указывалось выше, не играло в последнее время самостоятельной роли, развиваясь лишь в тех рамках, какие ставились ему потребностями и интересами оседлого земледельческого хозяйства. Наибольшее значение для земледельца имели лошадь, рогатый скот и отчасти верблюд; значительно меньшую роль играли овцы и козы. Из домашней птицы кара-калпаки разводили кур. Размеры овечьего и верблюжьего стада за последние десятилетия перед революцией уменьшились, а количество лошадей и рогатого скота значительно возросло. Общее поголовье скота в каракалпакских хозяйствах было сравнительно невелико. Обследование 1912 г. показывает, что в таком типичном каракалпакском районе, как Чимбайский, количество голов скота на одно хозяйство колебалось от 1.8 до 12.7 единицы при средней величине стада в 4.9 единицы.

В зимнее время скот в большинстве случаев содержался в особых загонках (кора) или закрытых помещениях — сенис-хана, расположенных по соседству с жильем хозяина. Главным кормом для рогатого скота в зимнее время являлись камышовое сено, солома риса, стебли проса и других растений; для верблюдов и отчасти мелкого рогатого скота на зиму заготавливались джантак и некоторые другие степные растения, а также объедки, оставшиеся от другого скота. Лошади кормились пшеничной соломой, люцерной и джугарой. Заготовка кормов производилась вообще в недостаточных размерах. В летнее время скот выпасался на ближайших к аулу естественных пастбищах, частью отгонялся в Кызыл-кумы. В последнем случае со скотом направлялся кто-либо из членов семейства, в других случаях несколько хозяйств нанимало совместно общего пастуха. Иногда практиковалась отдача на выпас скота из доли продуктов. В некоторых случаях бедняки, выпасавшие коров богатых хозяев в течение трех-четырех летних месяцев, пользовались за свой труд удоем. В связи со слабой обеспеченностью кормами и отсутствием какой бы то ни было ветеринарной помощи, массовые падежи скота были обычными явлениями.

Как показывают бюджетные обследования 1912 г., доходность каракалпакского хозяйства была чрезвычайно низкой, не обеспечивая удовлетворения самых необходимых потребностей населения. Причины указанного явления были различны. Наряду с крайней ограниченностью и неустойчивостью посевной площади и острым недостатком кормов в ряде районов, большую роль играли также и социальные условия, следствием которых являлись крайне неравномерное распре-

ление основных средств производства — земли и воды — и бесправное положение широких масс сельского населения, постоянно испытывавших на себе тяжелый гнет феодально-колониальной эксплуатации. Около одной трети всех хозяйств Чимбайского района в 1912 г. либо являлись «хозяйствами» без посева и скота, либо не имели совсем скота, либо были беспосевными.

Вполне понятно, что при таких условиях около 45% всех наличных крестьянских хозяйств Чимбайского района были вынуждены искать заработка на стороне. Свыше половины всего занятого на посторонних заработках каракалпакского населения (Чимбайский район) работали в качестве батраков и сельскохозяйственных рабочих в богатых и зажиточных хозяйствах своего или соседнего района, значительное же число бедняков нанималось в пастухи или поступало чернорабочими. Среди населения Талдыкского, Даукаринского и отчасти Чимбайского районов видную роль играло также рыболовство. Меньшую роль играли ремесла — сапожное, плотницкое, кузнечно-слесарное, портняжное и некоторые другие. Общее количество ремесленников среди каракалпакского населения было весьма невелико вследствие того, что спрос на ремесленную продукцию, в виду бедности населения, был крайне ограничен.

Общее число батраков и сельскохозяйственных рабочих достигало в каракалпакских районах в 1912 г. 6900 человек, что составляет около 37% к общему числу занятых на посторонних работах в тех же районах. Существовали различные формы найма: на срок, поденно, сдельно и др. Сдельная оплата обычно практиковалась при уборке, поденная — при пахоте.

Значительное число каракалпакцев занималось выпасом чужого скота. Оплата производилась с головы. Кроме денег, пастух получал пищу, одежду и обувь. Наибольшего опыта и квалификации требовала профессия пастуха лошадей (жылкышы), труд которого и оплачивался выше.

Свыше 2500 человек было занято на стороне в качестве чернорабочих. Часть из них работала на кустарных маслобойных или кожевенных заводах в качестве поденщиков или сезонных рабочих; другие поступали рабочими на хлопкоочистительные заводы. Последняя группа была занята в большинстве в период наиболее усиленной загрузки заводов — с ноября по февраль — апрель. Рабочие каракалпакцы объединялись в коши — артели по 10—20 человек. Каждый кош имел общий котел и отдельного кошчи (кошевого), на обязанности которого лежало приготовление пищи. Шли на заводы за сотни километров пешком.

Свыше 2500 жителей каракалпакских районов было занято рыболовством на р. Аму-дарье и Аральском море. Большинство работало в качестве наемных рабочих на рыбных промыслах, принадлежавших главным образом русским предпринимателям. Работа производилась в течение зимнего сезона. Иногда образовывались рыболовные артели численностью в 9—10 человек. Артель брала у одного из местных богатей невод, за что обязана была отдавать его владельцу половину улова. Рыба продавалась по дешевой цене или тому же владельцу невода или приезжему скупщику. Наряду с такого рода «промышленным» рыболовством, ловля рыбы производилась также для собственного потребления при помощи крайне примитивных орудий — сачка, остроги, крючка, небольшого бредня и т. п.

Довольно широкое распространение в каракалпакских районах, особенно в Чимбайском, имели женские промыслы, представленные здесь главным образом ткачеством и отчасти выкармливанием шелкового червя, портняжным ремеслом, плетением из тростника цыновок и некоторыми другими.

Искусство выкармливания и разведения шелковичных червей стало распространяться среди каракалпакских женщин, повидимому, под влиянием соседней Хивы, где женщина-узбечка занимается этим делом уже много веков. Грена поступала в каракалпакские районы или из Хивинского ханства (г. Ходжеили) или производилась на месте. Чтобы грена не замерзла зимой, каракалпакские женщины зашивали ее или в свои головные уборы или хранили под подкладкой (чаще всего под мышками) носильного халата. Весной грена рассыпалась на моло-

дых свежих листьях шелковицы (тут) и ставилась в корзине на солнце, пока не выйдут гусеницы. После этого корзину вносили в юрту и здесь подкармливали гусениц в течение приблизительно сорока дней, пока они не начинали вить коконы. Для умерщвления бабочек целые коконы выносились на три-четыре дня на солнце. Из шестисот-семисот штук коконов добывалось около двух фунтов шелку.

Таковое искусство каракалпакских женщин ограничивалось изготовлением довольно грубой материи из верблюжьей шерсти (чекмень) или простой бумажной материи (мата).

Значительно большее искусство проявляют каракалпакские женщины в вышивке и украшении предметов женского одевания, а также в изготовлении различного рода ковровых изделий для убранства своей юрты. Многие из этих изделий отличаются оригинальностью и высокой художественностью своего рисунка.

Под влиянием крайне тяжелых материально-бытовых условий, некоторая часть каракалпакских женщин нанималась, наряду с мужчинами, на сельскохозяйственные и другие работы, требующие большой выносливости и физической силы. Многие из женщин-беднячек вынуждены были заниматься сбором колосьев, оставшихся на чужих жнивях после уборки урожая (масакиши). Количество собранного таким образом зерна могло доходить от нескольких фунтов до 6 пудов за сезон.

К числу чисто женских занятий, дававших некоторый заработок наиболее нуждавшимся, следует отнести также работу на ручной мельнице (кол-тегермен), которая пользовалась среди местного населения широким распространением до самого последнего времени. Богатые семьи на своих ручных мельницах сами обычно не работали, пользуясь трудом женщин-поденниц. За день чрезвычайно тяжелой работы на ручной мельнице женщина-беднячка получала от 2 до 7 фунтов зерна — по усмотрению нанимателя.

Указанными отраслями деятельности в основном и исчерпывалась возможность применения свободной рабочей силы в местных условиях. Положение еще более ухудшалось тем, что сообщения Кара-Калпакии не только с центром России, но и с более развитыми в промышленном отношении районами Средней Азии, в связи с отдаленностью и отсутствием удовлетворительных путей сообщения, было до крайности затруднено, вследствие чего всякие попытки подыскания работы за пределами своего района не могли иметь сколько-нибудь реального значения.

В соответствии с общим чрезвычайно низким уровнем экономики края торговля в районах Кара-Калпакии была развита слабо. Главным и почти единственным пунктом, где сосредоточивалась торговля среди кара-калпаков, являлся городок Чимбай, представлявший собою в десятых годах текущего столетия небольшой населенный пункт с общим количеством жителей 2610 душ обоего пола. В Чимбае находилось около 180 лавок, торговавших мануфактурой и бакалейными товарами. Наибольшее оживление Чимбай переживал в связи с сезонным усилением торговли в осенние месяцы, когда в базарные дни в город съезжалось до 2000 человек, в том числе много скупщиков и разъездных торговцев из ближайших районов. Приезжие закупали осенью главным образом хлопок, семена люцерны и хлеб, а весной — кожевенное сырье. Семена люцерны, скупленные у населения, затем перепродавались агентам крупных заграничных фирм с соответствующей надбавкой. Видную роль на чимбайском базаре играла торговля дровами и древесным углем, представлявшим собою в местных условиях один из редких и сравнительно дорогих товаров.

Другим крупнейшим торговым пунктом, привлекавшим к себе каракалпакское население, являлся г. Ходжейли.

Селение и жилище. Каракалпакское селение (аул) состоит обычно из нескольких десятков жилищ, разбросанных на довольно значительном расстоянии друг от друга без всякого определенного плана. Такого рода «хуторской» тип расселения, целиком зависящий от условий местного орошения, является,

как известно, характерной вообще особенностью района низовий Аму-дарьи. Хозяин строит свое жилище со всеми служебными постройками обычно на краю своего участка земли, в непосредственной близости от своей пашни.

Усадьба (хаули) кара-калпака обносится обычно высокой глинобитной стеной, высотой от 2 до 4 м, с башнями (кунгра) по углам, и напоминает своим внешним видом небольшую крепость (кала).

Такой тип усадеб заимствован кара-калпаками и другими народами, населяющими бывшее Хивинское ханство, от хивинских узбеков и чаще встречается в районах, смежных с узбеками.

Однако обычным типом старого каракалпакского жилища является юрта, унаследованная кара-калпаками еще от того периода, когда они вели жизнь кочевников-скотоводов, и не вполне вышедшая из употребления до самых последних дней. В период завоевания Хивинского ханства царской Россией (1873 г.) кара-калпаки жили еще исключительно в юртах (кибитках); глинобитные постройки, возводившиеся местами, играли роль служб (для хранения запасов, конюшни и т. п.). В летнее время юрта выставлялась на краю пашни или в тех местах, где кара-калпаки выпасали летом свой скот (жазлау); на зиму население собиралось большими группами по родовому признаку и переходило со всем своим имуществом и юртами в особые укрепления, обнесенные глинобитной стеной (кала) или валом со рвом (курень), где и находилось до начала весенних полевых работ.¹ После русского завоевания, когда опасность нападения со стороны воинственных соседей (туркмен и некоторых других) исчезла, возводившиеся ранее укрепления оказывались уже излишними, но сезонные перемещения юрт к пашням, к выпасам, а также в места зимовок (кыслау) происходили попрежнему, хотя территория, на которой передвигались кара-калпаки, и была весьма ограничена. Постепенно, с укреплением безопасности, кара-калпакам удается несколько улучшить и расширить сеть оросительных каналов, по крайней мере там, где это оказывалось для них возможным технически; а это обстоятельство в свою очередь повлекло за собою более прочную связь с землей и, в частности, более усиленное оседание. Вместо прежних крепостей и зимовок (кыслау) постепенно появляются оседлые поселения (аулы) указанного выше типа. Удельный вес построек стационарного типа, преимущественно глинобитных («там»), значительно возрастает, хотя господствующим типом жилого помещения продолжает оставаться все же юрта, на описании которой мы вкратце здесь остановимся.

Остов юрты состоит из деревянных, располагаемых кругом решеток (кереге), к верхнему краю которых прикрепляются слегка изогнутые тонкие палки (ок), образующие куполообразную крышу юрты. Верхние концы палок прикрепляются к деревянному кругу (шангырак), образующему как бы вершину купола юрты. Цилиндрическое основание каракалпакской юрты (кереге) покрывается камышевыми циновками, а куполообразная крыша — войлоком. Круг сверху (шангырак) закрывается целиком только в ненастную погоду, в остальное время остается полуоткрытым, заменяя собою дымоход и служа днем для освещения юрты. Для входа в юрту устраиваются деревянные двустворчатые двери (есык); часто вместо деревянной двери вход в юрту прикрывался специальной циновкой, обшитой войлоком.

В центре юрты, на земле, располагается очаг, где готовится в холодное время года пища. Здесь же у костра очага греются во время холодов. За очагом и всюду по краям юрты размещается имущество в виде сундуков с одеждой, одеял, халатов, посуды и т. п. Пол юрты застилается циновками, поверх которых в зависимости от достатка хозяина иногда расстилаются паласы, ковры или войлоки. На стенах юрты развешиваются различной величины и вида вышитые, иногда ковровые сумки (калта), в которых хранится посуда и различного рода мелкий

¹ По документам Хивинского архива, каракалпакский *курень* обозначает также первичную административную единицу.

домашний инвентарь. В некоторых, сравнительно редких случаях мелкая посуда хранится в особых деревянных шкафчиках, украшенных художественной резьбой (сабаяк). Достаток хозяина сказывается не только на количестве и характере домашнего инвентаря и внутреннем убранстве юрты, но также и на величине и внешнем виде последней. Основная, нижняя часть остова (кереге) богатой юрты состояла из шести частей (канат), тогда как юрта бедняка или середняка — только из четырех. В соответствии с этим и диаметр юрты и высота ее были различны. Верх юрты богатых владельцев покрывался войлоком из сравнительно редкой и дорогой белой шерсти. На обыкновенную среднюю юрту шел простой серый войлок, заменявшийся иногда при бедности хозяина и тростниковой цыновкой. Как снаружи, так и внутри богатая юрта украшалась особыми, различной ширины, тканями из белой шерсти лентами и дорожками (ак баскур), обычно украшавшимися разнообразным орнаментом. Около юрты, обычно против входа в нее, встатину устраивалось помещение для скота, сначала открытое, затем с крышей. Строилось помещение в большинстве случаев из камыша или ветвей дерева или кустарника, смотря по тому, что было доступнее. Преимущество такого рода дешевых и незатейливых построек состояло в том, что они в случае опасности в любое время могли быть покинуты без особого ущерба для хозяина. Такого же рода мелкими изгородями кара-калпак вносил иногда свою юрту, чтобы несколько защитить ее от пронизывающих зимних ветров.

В последних десятилетиях XIX в., когда опасность вражеского нападения окончательно миновала и когда условия ведения хозяйства вообще несколько улучшились, кара-калпаки вместо тростниковых хозяйственных построек стали возводить глинобитные, хотя и более дорогие, но значительно более прочные и теплые. Наряду с хозяйственными службами постепенно строятся также и жилые помещения из глины или сырцового кирпича.

Хозяйственные постройки вместе со стоящей с ними рядом юртой или жилым помещением обносятся постепенно изгородью из камыша или ветвей дерева или кустарника. Как внутри изгороди, так и вне ее высаживаются деревья. Таким образом возникает усадьба, по своему плану уже довольно близко напоминающая обычную усадьбу хивинского земледельца. Последним этапом в развитии старого каракалпакского двора является замена окружающей его тростниковой изгороди глинобитным дувалом с воротами. Постепенно усложняется также план внутреннего устройства двора: вместо простого загона для скота и небольшой площадки для юрты многие из хозяев строят отдельные крытые помещения для лошадей и коров, амбар, помещение для хранения кормов, иногда топлива и т. п. Ближайшее к воротам место занято помещением для жилья, юрта выставляется или на одной из площадок в глубине двора или у ворот, напротив жилого помещения. Внутренность старого жилого помещения довольно неприветлива: земляной, пыльный пол, закопченный дымом потолок; вместо окна, как правило, пробивается лишь небольшое отверстие в стене; дым от очага с трудом выходит в небольшое отверстие в потолке, иногда заменяющее собою и окно. К моменту революции постройки стационарного типа начали уже получать широкое распространение. Так, около одной трети общего количества хозяйств Чимбайского района уже имели в 1912 г. жилые постройки стационарного типа. Более зажиточные хозяйства имели не одно жилое помещение, а по крайней мере два, в том числе иногда комнаты для гостей (мийман-хана).

Несмотря на довольно значительное распространение среди кара-калпаков жилых построек стационарного типа, юрта не утрачивала своего значения вплоть до второго десятилетия XX в. В наиболее типичном кара-калпакском районе — Талдыкском на 6655 юрт насчитывалось в 1912 г. всего лишь 680 глинобитных жилых помещений при весьма значительном количестве служб. Значительная часть населения пользовалась юртой круглый год, рассматривая свою глинобитную жилую постройку главным образом как складочное помещение и отчасти как место для приема гостей. Такого рода популярность юрты в прошлом объяс-

няется не только крайней неприветливостью и неудобством глинобитных жилищ, но главным образом удобством ее перемещения в зависимости от тех или иных хозяйственных потребностей в различное время года, за исключением нескольких зимних месяцев, когда необходимость в передвижении отсутствует.

Большое значение имело в данном случае также затопление водами Амударьи целых районов, что заставляло многих жителей покидать свои аулы и переходить на время в другие, безопасные места. Описывая такого рода стихийное бедствие, И. Авдакушин говорит следующее: «Кара-калпак стoisически мирится с хорошо известными ему прихотями капризной реки, строит на воде кичку или пловучий плот из камыша и переносит туда свою кибитку, скот гонит на какую-нибудь еще не совсем затопленную водой местность и продолжает спокойно жить до спада воды среди необозримых камышей и мириадом комаров» (стр. 16). Значительная часть беднейшего кара-калпакского населения оказывалась не в состоянии не только выстроить себе глинобитный дом, но и обзавестись самой простой и незатейливой юртой, стоимость которой определялась все же в два-три десятка рублей по довоенному курсу. Обычным типом жилища для этой части беднейшего населения являлся примитивный шалаш из камыша, в котором все члены семейства вынуждены были ютиться во всякое время года. Значительным распространением такого рода шалаша пользовались также среди кара-калпакцев-рыболовов, постоянно проживавших в дельте Амударьи, по берегам Аральского моря и около озер. Не менее примитивным типом каракалпакского жилища являлись также землянки с перекрытием из палок и камыша.

Каракалпакскому жилищу как стационарного, так и переносного типа, сопутствовали необычайная теснота, грязь и неприспособленность отопления, являвшиеся едва ли не главными причинами массового распространения здесь различного рода болезней.

Одежда. Нижняя одежда кара-калпака состоит из просторной длинной рубахи (койлек), изготовлявшейся ранее из бумажной белой материи кустарного производства (бёз), и из чрезвычайно широких штанов (штан, дамбал) из той же материи. Верхней одеждой является просторный халат (чапан) из специальной кустарной лощеной материи в полоску, темнокоричневого или темнотемноливого цвета (алаша). Такого же покроя халаты шились иногда из чекменя — тонкой кустарной материи из верблюжьей шерсти. Под халат надевается иногда стеганный бешмет (камзол), также изготовлявшийся из чекменя или темной бумажной материи. Камзол, а иногда и халат, опоясывается сверху кушаком из цветной материи, чаще всего платком, сложенным по диагонали. Обувью служат сапоги на высоком каблуке с острым, загибающимся кверху носком, из яловой кожи местной кустарной выработки. Пользовались некоторым распространением также мягкие сапоги (маасы) из бараньей кожи, с мягкой же подошвой без каблука, носившиеся с кожаными галошами на невысоком подбore (кеуш). На выбритую голову надевается небольшая круглая шапочка из мягкой материи (тахыйя), поверх которой надевается большая овчинная баранья шапка (чогурма, тельпек, борк, кораш) — обычно черного цвета, овчиной наружу. Несмотря на значительную тяжесть и большие размеры, шапку носят круглый год, как это, по нашим наблюдениям, обычно делают соседние хивинские узбеки, а также туркмены. Фасон каракалпакской шапки тот же, что и у хивинских узбеков, но несколько отличается от туркменской. В зимние холода кара-калпак надевает просторный тулуп (тон, постон) из дубленой овчины. На ноги зимой, под сапоги, надеваются особые валенные чулки из мягкого войлока (пайпак). Кроме того, в холодное время года носят теплые стеганные брюки навпук.

Женский костюм состоит из длинного по шиколотку платья (койлек) и длинных же, суживающихся внизу шаровар (дамбал, штан, иш-киим). Материалом для платья (койлек) служила раньше бумажная кустарная или фабричная материя темнокрасного цвета с желтым узором, иногда только с каймой. Встарину носились также платья из материи темносинего цвета (кок-койлек), вышедшие

из обихода уже несколько десятилетий тому назад. Шаровары шьются из полосатой цветной материи, чаще всего из тика. Поверх платья надевается бешмет в талию и камзол из черной или цветной полосатой материи, иногда из цветного бархата. Грудь и обшлага камзола иногда украшаются вышивкой. Зимой женщины носят тот же камзол, но стеганный на вате. Женская обувь состоит или из мягких сапог из бараньей кожи с кожаными галошами (кеуш) или из одних только галош, носимых на босую ногу. Имели распространение также женские сапоги из жесткой кожи кустарной выделки на каблуке. Характерным является головной убор каракалпакской женщины, резко выделяющийся из подобного же рода головных уборов окружающих казахских женщин. В противоположность белому тюрбану (жаулык) казахской женщины, кара-калпачка повязывает голову платком из цветной материи (бас урамал). Платок свертывается жгутом и обвивается вокруг головы в виде чалмы, но с выдающимся вперед утолщением с одного боку. Поверх повязанного таким образом платка наматывается другой, также цветной платок (айдыллы), один конец (алака) которого остается свободным и опускается на спину. В районах, смежных с узбеками, и в городах более состоятельные каракалпакские женщины носили небольшие шапочки из цветного шелка с позументами (тахыйя), повязывая их сверху цветным шелковым платком. Платок повязывался узкой полоской вокруг верхней части шапочки, оставляя ее нарядную нижнюю часть открытой. Некоторые из шапочек («ходжейлинские») украшались спереди большим помпоном (пöпöк) из цветных шелковых ниток. В торжественных случаях (на свадьбах и т. п.) каракалпакская женщина надевает на себя своеобразную богато украшенную накидку из шелка или бархата (кимише), несколько напоминающую по своей форме капюшон, а также особый головной убор (саукеле) из бархата или другой плотной материи с украшениями из серебра и цветных камней. Дополнением к этому одеянию является особый вышитый нагрудник (унгурше), другая часть которого — куйрукша — опускается на спину. К числу праздничных одеяний следует отнести также особую вышитую накидку (жегдэ) из белой материи. Широким распространением пользуются кольца, браслеты, серьги (в уши, а прежде — также в ноздри), а также различного рода ювелирной работы подвески из серебра (хейкель) и пр. с украшениями из бирюзы и других цветных камней. Из предметов специально детской одежды можно отметить встречающуюся иногда среди кара-калпаков круглую шапочку из плотной материи с наушниками, более распространенную среди туркмен-йомутов. В остальном детская одежда та же, что и у взрослых, только меньших размеров.

Различия между одеждой богатых и бедных заключались главным образом в качестве материала, из которого одежда изготовлялась. У богатых в большом ходу были шелка, бархат и фабричные сукна; у бедных чаще употреблялась кустарная бумажная ткань и бумажные же дешевые материи фабричного производства. Фасоны и предметы одежды в основном были одни и те же; однако, бедняки, как правило, имели лишь один комплект одежды, а у богатых количество одежды всегда было значительным и являлось известным показателем достатка. В costume рядового кара-калпака вовсе отсутствовал широкий бархатный пояс с серебряной застежкой и бляхами, встречавшийся только среди богатых.

П и щ а. В части режима питания классовые различия между богатыми и бедными сказывались весьма резко. В то время как преобладающим видом пищи большей части бедного каракалпакского населения являлись кушанья, приготовленные из хлебных злаков с некоторой приправой из кислого молока, стол богатых состоял главным образом из мясных блюд, лишь с некоторым добавлением муки и других хлебных продуктов. Имея в виду такого рода общие классовые различия, остановимся вкратце на описании наиболее характерных национальных каракалпакских кушаний.

Повседневным массовым кушаньем большинства каракалпакского населения являлась ж а р м а — жидкая похлебка из зерен джугары, пшеницы или

проса. Зерно слегка дробится в ступе, затем варится в воде с добавлением соли. Сваренная таким образом жидковатая масса сдабривается кислым молоком (катык) и идет в пищу. Зимой вместо молока в похлебку добавляется разведенный в воде сушеный творог (торак). Среди наиболее бедной части населения жарма приготавливалась из зерен «чигина» (кунак, просо), употреблявшихся обычно в качестве кормового растения. Жарму ели без хлеба.

Другим весьма распространенным кушаньем являлось г ѓ ж е — похлебка из джугары. Зерно обдирается в ступке, но не дробится, а варится целиком. Уже готовая похлебка сдабривается катыком. Гѓже употреблялось в пищу как в горячем, так и в холодном виде. Гѓже скорее является питательным напитком, чем пищей в собственном смысле. Значительную роль в качестве распространенного кушанья играло отваренное в воде и слегка поджаренное пшено (сѓк). Сѓк потреблялся как в сухом виде, так и с молоком, а также с топленным маслом. Из сѓка же иногда готовится гѓже (сѓк-гѓже). Для этого сѓк варится на воде, готовая похлебка сдабривается, по обыкновению, кислым молоком. Иногда вместо молока добавляется топленое масло или баранье сало, поджаренное с луком. В некоторых случаях в сѓк-гѓже вместо кислого молока или жиров добавлялась просяная мука. Такое кушанье носит название «бели-байли». Известно также гѓже из риса (грук-гѓже), также с приправой из кислого молока. Из риса же готовится плов, а также шауле — каша, более жидкая, чем плов, и сют-бруж — молочная жидкая похлебка из риса. Количество различного рода кушаний, приготавливавшихся из хлебных продуктов, вообще весьма значительно. В дополнение к указанным выше назовем еще, напр., буламык (каты-буламык) — заваруха из джугаровой муки (едят с маслом), машаба — похлебка из маша, кеспас — лапша, басалай, гешир куртук, ижан ськман и ряд других. Значительную роль играет также хлеб, приготавливавшийся раньше как из пшеничной (нан), так и их джугаровой (загара) муки. Хлеб приготавливается исключительно в виде плоских круглых лепешек различной толщины и размера. Лепешки выпекаются в специальных небольших печах (тандыр). Из теста же приготавливают баурсак и ший — мелкие лепешки различной формы, поджариваемые в казане на бараньем сале.

Значительно менее разнообразны блюда мясные. Наиболее распространенным из них является с о р п а — бульон из баранины. Когда мясо совсем готово, его вынимают и мелко режут. В бульон в это время бросают кусочки тонко раскатанного и разрезанного на небольшие куски теста. Сваренное в мясном бульоне тесто раскладывают на блюдо засыпают сверху мелко крошенным мясом, посыпают иногда толченым красным перцем и в таком виде едят, запивая бульоном. На следующем по степени распространенности месте из мясных блюд стоит куурдак (русский «кавардак») — жаренные в бараньем сале куски мяса вместе с кусками лепешки. Из прочих мясных кушаний можно отметить своеобразные пельмени бореk, каваб — шашлык, жоуборек — жаркое из почек и сердца и некоторые другие.

Значительную роль в пищевом режиме играют, как отчасти уже указывалось, молочные продукты — кислое молоко (катык), масло (сары-май), сметана (каймак), а также айран и курт. Для приготовления катыка, кроме коровьего молока, употребляется также молоко овечьё и козье. Молоко кипятится с небольшим количеством воды и по остывании заквашивается. Летом катык разбавляется сырой водой и употребляется как прохладительный напиток. Из катыка же готовится сары-май. Остающееся после сбивания масла пахтанье разбавляется почти равным количеством воды и употребляется в пищу — это так называемый «айран». Если айран имеется в излишке, его сливают в особые шерстяные мешки и подвешивают, чтобы стекла жидкость. Оставшийся затем творог кипятят в казане с добавлением некоторого количества ячменной муки и соли; после этого снова подвешивают в мешке и затем освобожденную от жидкости твердую массу раскатывают на небольшие шарики и сушат на солнце в течение

нескольких дней. Получается «курт», который идет в пищу в сухом виде или добавляется зимой в воде и употребляется в качестве питья, для приправы к разным кушаньям. В некоторых случаях творог (торок) не сушится, а засаливается и сохраняется на зиму в турсуках.

Из прочих кушаний следует отметить также яичницу (куймак), приготовляемую из яиц и молока, с некоторым добавлением муки. Среди населения, живущего по берегам озер и в приморских районах, большую роль в питании играла рыба (щука, сазан). Обычное кушанье из рыбы: карма — уха с клецками из джугаровой или просяной муки. Другим рыбным кушаньем является илдырык-нан — хлеб из икры, выпекающийся с очень небольшим добавлением муки.

Чай, чрезвычайно распространенный среди большинства народов Средней Азии, у кара-калпаков занимает второстепенное место, чему способствует главным образом, повидимому, наличие таких питательных напитков, как айран, а также таких жидких кушаний, как жарма и гёже. Чай потребляется главным образом зеленый (кокчай). Незначительную роль играют также сладкие блюда, представленные главным образом летом в виде свежих фруктов и дынь; зимним лакомством служат сушеные фрукты и ломтики сушеной (вернее — вяленой) дыни (как).

Из продуктов, заготавливаемых впрок, следует отметить помимо упсминавшихся выше курта, масла и некоторых других, также мясо. Наиболее распространенным среди кара-калпаков способом консервирования мяса является завяливание. Для этого мясо предварительно отделяется от больших костей, держится некоторое время в казане с солью, а затем вывешивается на несколько дней в прохладном месте и складывается в плотный мешок, где и хранится (сүр-ет). Другой, не менее распространенный, вообще, способ заключается в том, что мясо разрезается на мелкие куски, обжаривается в казане, слегка подсаливается и затем складывается в глиняный горшок и заливается салом (куурдак).

Из жирных ребер конины в богатых хозяйствах иногда приготавливалась колбаса (казы), подвешивавшаяся для копчения в дымовом отверстии юрты.

Посуды в каракалпакском хозяйстве было немного. Главную роль играл казан (чугунный, сферический котел), в котором обычно приготавливаются все кушанья — до некоторых сортов лепешки включительно. Зимой казан устанавливался на железном тагане по середине юрты, а летом — на открытом воздухе. Пища подавалась обычно в одном большом общем для всех деревянном или глиняном блюде. Ложек не употреблялось. Для жидкой пищи служат средней величины фарфоровые чашки (кесе). Чай пьют из обычных для Средней Азии чашек (пиала). Айран и другие жидкие молочные продукты сохраняются или в глиняных горшках или в посуде из особой местной тыквы. Самовары были только у богатых; большинство кипятило воду для чая в небольших металлических кувшинах.

Медицина и гигиена. Одной из характерных черт старого быта являлась не только невозможность, в силу крайней бедности, соблюдать необходимую чистоту и опрятность, но и полное отсутствие у массы населения элементарных представлений, связанных с гигиеной быта. Бань не существовало; мылись только во время купанья летом, без мыла. Надетое белье нередко не менялось до тех пор, пока оно не превращалось от ветхости в лохмотья. Совместная еда из одной посуды с заведомо опасным заразным больным считалась обычным делом. Отсутствовали также какие-либо представления о гигиене детского возраста. Дети, особенно девочки, находились часто в ужасающих антисанитарных условиях, следствием чего неизбежно являлась повышенная детская смертность. Значительная часть населения страдала также от систематического недостатка и низкого качества пищи, в первую очередь от недостатка белковых и жировых веществ, особенно необходимых при той изнурительной физической работе, с которой неразрывно была связана жизнь небогатого кара-калпака. Если к сказанному добавить, что на весь Амударьинский отдел, с ста девяносто тремя тысячами его жителей, «полагался по штату» до революции только один врач с двумя

тремя фельдшерами, то причины повышенной заболеваемости каракалпакского населения в старое время будут достаточно ясны.

Одной из наиболее распространенных болезней среди кара-калпаков являлось катаральное воспаление соединительно-тканной оболочки глаз (конъюнктивит), а также трахома и некоторые другие глазные болезни. Причины широкого распространения этого рода заболеваний заключались, отчасти в избытке в воздухе ядовитой солончаковой пыли в сухое время года, отчасти — в антисанитарных условиях общей бытовой обстановки и отсутствии необходимой медицинской помощи. Массовое распространение имела также малярия различных форм и видов. Максимум заболеваний малярией падал на летние и осенние месяцы. За отсутствием хинина болезнь протекала в обостренных формах и сопровождалась различного рода тяжелыми осложнениями. Следующее место по степени распространенности принадлежало желудочно-кишечным заболеваниям, вызывавшимся неудовлетворительным качеством пищи и, отчасти, свойствами местной воды. Большое распространение имела также чесотка, носившая, как и малярия, местами почти эпидемический характер. В летнее время, когда наступал сезон купаний, количество заболеваний резко снижалось.

К числу наиболее опасных социальных болезней принадлежал также сифилис, распространявшийся как половым, так и внеполовым путем, и носивший бытовой характер. Сифилис наносил большой урон здоровью населения, обслуживавшегося единственной на весь Амударьинский отдел амбулаторией в г. Петро-Александровске.

Имела распространение также цынга, особенно часто встречающаяся среди бедноты, в связи с неудовлетворительным качеством и однообразием пищи при недостатке овощей в пищевой диете каракалпакского населения. К числу специфических местных болезней следует отнести также проказу, поражавшую, по словам И. Авдакушина, «преимущественно каракалпакское население дельты Аму, представляющееся почти сплошь бедняками, ютящимися в холодных кибитках среди бесконечных болот, озер, камышей и тугаев и питающихся больше рыбой». Проказа считалась среди местного населения болезнью заразной, вследствие чего прокаженные находились на положении отверженных и представлялись на волю судьбы. Отдельных поселений для прокаженных, не говоря уже о каких-либо специальных лечебных заведениях, до революции не существовало.

Остановимся в заключение в нескольких словах на так называемой туземной медицине, представители которой — табибы — играли в жизни местного общества довольно значительную роль. С такими несложными операциями, как вырывание зубов, вправление вывихов, наложение неподвижных повязок, удаление некоторых опухолей, оспопрививание и некоторыми другими табибы справлялись, по отзыву врача, более или менее успешно. Однако этим списком приблизительно и ограничивается тот круг болезней, в пределах которого помощь табиба могла быть если и не всегда полезной, то все же относительно безвредной. В огромном большинстве случаев, связанных с лечением более сложных или менее легко определяемых болезней, роль табиба являлась безусловно отрицательной. Нередко наблюдались случаи, когда больной обращался к врачу, пролечившись уже несколько недель или месяцев у табиба, как это часто наблюдалось, напр., при лечении бесплодия — болезни, широко распространенной в силу ряда социальных причин среди каракалпакских женщин. Видную роль в лечении болезней играли также различного рода заклинания, заговоры и прочие магические действия, в основе которых лежало убеждение в том, что всякая болезнь связана с вмешательством или даже вселением в больного злого духа. В качестве предохранительной меры против злых духов употреблялись также различного рода амулеты, чаще всего пришивавшиеся к детским шапочкам или другим частям детского костюма. Существовала также среди кара-калпаков особая профессия «специалистов» по изгнанию злых духов из тела больного. Это так называемые «порхоны» (таджикский пери-хон). Сеанс, устраивавшийся с целью изгнания

злого духа, состоял в том, что порхон бил в бубен и выкрикивал различные молитвы и заклинания, сопровождая свои слова различного рода резкими телодвижениями. В изготовлении амулетов видную роль играли представители местного мусульманского духовенства.

Средства сообщения и связи. Основным видом ездового животного у кара-калпаков была лошадь. Преобладающей породой лошадей являлась так называемая киргизская, отличительная черта которой, как известно, в выносливости и неприхотливости. Среди богатых встречались лошади более высоких пород, как, напр., карабаир — помесь туркменской лошади с киргизской, кара-калпак-тумыш, или, по другим данным, буддан — помесь киргизской породы с йомутской, и некоторые другие. Среди вьючных животных основную роль играл верблюд. Однако количество верблюдов, в связи с недостатком подходящих кормов, было в каракалпакских районах весьма невелико. В качестве ездового и отчасти вьючного животного некоторое место занимал также осел. Перевозка тяжестей и всех хозяйственных грузов производилась главным образом на двухколесной телеге — арбе. Двухколесная арба имела распространение среди кара-калпаков еще задолго до переселения их к границам Хивинского ханства — во всяком случае еще в тот период, когда масса народа занимала берега Сыр-дарьи. Детальное устройство старой кара-калпакской арбы остается нам пока неизвестным. С переселением в последующее время на территорию Хивинского ханства кара-калпаки усвоили так называемую хивинскую арбу. В арбу запрягается лошадь.

Значительную роль в районах Кара-Калпакии играл также водный транспорт по Аму-дарье. Типом грузового судна является большая деревянная лодка (каюк), вместимостью от 100 до 2000 пудов. Вверх по реке каюки тянулись на канатах. Переправа через реку совершалась на каюках при помощи весел. Рыбаки при плавании на каюках пользовались, кроме весел, также парусом. Парус играл большую роль при движении груженого каюка вверх по течению. Для обычного передвижения по воде служили различные по величине и форме небольшие лодки, изготовлявшиеся так же, как и каюки, местными мастерами.

С о ц и а л ь н ы й с т р о и. В период своего массового переселения в пределы Хивинского ханства в конце XVIII — начале XIX вв. кара-калпаки делились на ряд независимых племен, находившихся под управлением враждебных друг другу биев. Не заинтересованные в объединении каракалпакских племен в единое целое, хивинские власти всячески поддерживали существовавший племенной антагонизм, не останавливаясь перед задариванием и всяческим поощрением нужных им лиц из каракалпакской правящей знати. Следствием такого рода хивинской политики явилось дальнейшее сохранение и даже некоторое укрепление среди кара-калпаков пережитков полупатриархального-полуфеодального быта. Необходимо при этом отметить, что у кара-калпаков уже в средние века наблюдался процесс разложения патриархально-родового уклада.

Узурпировав власть, бии совместно с примыкавшими к ним другими представителями имущего класса становились фактическими распорядителями общественных пастибц источников и колодцев и ставили, таким образом, в зависимость от себя основную массу населения. С переходом большинства народа к оседлости и земледелию; представители господствующего класса распространяли свою власть также на пахотную землю. Классовая дифференциация внутри каракалпакского общества достигла уже в первой половине XIX в. крайних пределов, несмотря на видимость все еще сохранявшейся «родовой» оболочки.

К моменту завоевания Хивинского ханства царской Россией кара-калпаки делились на два крупных племенных объединения: конграт и онторт-уру («четырнадцать родов»), каждое из которых делилось в свою очередь на целый ряд более мелких подразделений. Так, в состав объединения онторт-уру входили племена: хытай, кыпчак, мангыт, кенегес и ряд других. Племя хытай состояло

в свою очередь из родовых подразделений: аралбай, бек-сары, каз-аяклы, коюн, манджули, кайчили, шеруши и др.

Каждое из племен и отдельных их подразделений занимало определенную территорию. В пределах данной территории племя и роды имели свои угодья (пашни, пастбища и т. п.), юридически принадлежавшие в равной степени каждому члену племени, фактически находившиеся в распоряжении его правящей верхушки во главе с бием. Апеллируя к «родовой солидарности», ссылаясь на авторитет «старших», а иногда и опираясь на представителей государственной власти, господствующие верхи понуждали своих сородичей производить разного рода оросительные или иные мелиоративные работы, результаты которых целиком присваивали себе. Лишенная необходимого сельскохозяйственного инвентаря, рабочего скота и семян масса беднейших членов племени принуждена была работать на землях своей знати в качестве исполщиков или наемных рабочих, батраков, за самое ничтожное вознаграждение. Такого же рода беспощадная эксплуатация наблюдалась и в области скотоводческого хозяйства: бедные сородичи выпасали скот богатей, получая за это небольшую долю молочных продуктов или часть приплода.

В период хивинского владычества роль каракалпакских биев, старшин (аксакалов) и прочих представителей имущего класса усиливалась еще тем, что в их руках обычно сосредоточивались и административные должности. Многие из биев были облечены официально утвержденной административной властью, другие занимали командные должности в войсках, третьи выступали в качестве аульных старшин и т. д. Пользуясь своим служебным положением или прибегая к подкупам хивинских чиновников, богачи добивались освобождения своего имущества от налогов, перекладывая всю тяжесть налогового пресса на бедную часть своих сородичей.

В таком же контакте с хивинскими властями действовали и представители местного мусульманского духовенства (шейхи, ишаны, ахунды, казии и др.), владевшие, как показывают хивинские документы, обширными землями и стадами и эксплуатировавшие массы трудящегося населения.

В конце первой половины XIX в. в районы с кара-калпакским населением (в первую очередь в Чимбай) начинают проникать из Хивы и отчасти из Бухары торговцы, деятельность которых способствовала расширению рыночных отношений и возрастанию роли денег (в деньгах собиралась и все налоги), что вело, в свою очередь, к разрушению господствовавшей в районе системы землевладения и к постепенному укреплению индивидуальной собственности на землю.

Уже около середины XIX в. в числе крупных землевладельцев в каракалпакских районах хивинские документы называют также некоторых баев, основным средством обогащения которых являлись торгово-ростовщические операции. Число баев в последующий период растет не только за счет пришлого элемента, как это наблюдалось в первых десятилетиях XIX в., но и местного. В соответствии с этим возрастает и торгово-ростовщическая эксплуатация байским элементом трудящегося населения.

С завоеванием районов Кара-Калпакии царской Россией в 1873 г. многое стало меняться. Прекратились прежде всего разорительные грабежи и набеги со стороны соседних туркменских и казахских феодалов; значительно сократились грабежи и вымогательства, которыми сопровождался сбор налогов при хивинском владычестве; потеряла также свое почти неограниченное влияние прежняя феодально-родовая знать, не встретившая такой поддержки со стороны новой администрации, какой раньше она пользовалась со стороны хивинцев.

Уже давно назревшая потребность в замене полукочевого быта оседлым получила теперь возможность почти полного удовлетворения во всяком случае в тех районах, где земли и воды было достаточно. Оседание происходило родами, как это наблюдалось в подобных случаях и у других народов Средней Азии. Однако экономика оседлого хозяйства вызывает много трещин в родовых связях,

вследствие чего начинает постепенно развиваться процесс окончательного распада родовой ячейки и превращения ее в территориальную общину. Достаточных экономических предпосылок, которые могли бы способствовать углублению и завершению этого процесса на более или менее обширной территории, однако, в дальнейшем не оказалось, так как основные изменения, внесенные в местную жизнь русским завоеванием, сводились главным образом только к установлению безопасности и тем или иным переменам в составе господствующего класса. Способ производства не изменялся, так же как не изменились сколько-нибудь значительно состав и уровень производительных сил. Подчинив себе страну, самодержавие заботилось только о своевременном поступлении налогов, предоставив во всем остальном подвластное население на волю судьбы.

Видную роль при царском владычестве играет также мусульманское духовенство, рассматривавшееся царскими властями в качестве своего союзника и помощника в деле порабощения масс.

В полном соответствии с общей экономической отсталостью продолжали существовать и «надстроечные» явления. Пережитки родового быта сохранялись до последних десятилетий не только в окраинных, экономически мало устойчивых каракалпакских районах, но также в районах с достаточно развитым земледелием, где еще в 1912 г. происходила разверстка пахотных угодий по родам. С родовыми же пережитками были связаны и авторитет родовых старшин, выдвигавшихся нередко и на административные должности, и внутриродовая взаимопомощь — «кумек», практиковавшаяся главным образом на полевых работах, выгодная, естественно, для наиболее богатой и влиятельной части рода.

Сохранялась также до последнего времени родовая экзогамия. Каждый значительный род имел свою тамгу (тавро), которой отдельные члены рода клеймили принадлежащий им скот. Учитывалась родовая принадлежность также в распределении мест за едой во время значительных тоев (празднеств), а также при участии в кок-бури («козлодраньях»). В отдельных наиболее глухих местах Кара-Калпаки сохранялся обычай предоставления жены или дочери гостю (конак-каде). Обычное право также не вполне еще утратило свое значение, хотя, в связи с усиленной пропагандой мусульманского духовенства, роль его была незначительна, и большинство гражданских и уголовных дел решалось народными судьями (казиями) по шариату (мусульманское каноническое право).

Каракалпакская семья отличалась патриархальным характером, что выражалось в авторитете главы семьи и в уважении к старшим. Многоженство, допустимое как с точки зрения шариата, так и обычного права, значительным распространением не пользовалось и встречалось обычно только среди богатых. Обследованием 1912 г. установлено, напр., что в наиболее типичном каракалпакском районе — Чимбайском — многоженство составляло только 5,6% к общему числу семейств. Свыше 94% всех случаев полигамии связаны с женитьбой на двух женах и только около 5% — на трех и четырех. За невесту кара-калпак выплачивал калым, размер которого в 1912 г. колебался от 150 до 200 рублей среди бедных и до 1000 рублей среди богатых. Выплачивался калым у кара-калпаков чаще всего скотом.

Каракалпакская женщина пользовалась относительно независимым положением: не закрывала лица и не испытывала особой приниженности среди других членов своего семейства, как и в обществе вообще. Присутствие в мужском обществе не являлось для каракалпакской женщины чем-то необычным. Среди кара-калпаков был распространен обычай, в силу которого молодые люди обоого пола устраивали, преимущественно зимой, совместные вечеринки, сопровождавшиеся чаепитиями, общими играми, а также состязаниями в острословии и импровизации.

Трудовые обязанности, лежавшие на каракалпакской женщине, были многообразны: помимо ухода за детьми, женщина принимала участие также в сельскохозяйственных работах, ухаживала за скотом, стригла овец, пряла, занималась

тканьем, изготовлением войлоков и других предметов домашнего инвентаря, молола муку на ручной мельнице, обшивала семью, готовила пищу, находя такое время для выкормки шелковичных червей и изготовления вышивок для своей одежды.

Религия. Религией кара-калпаков являлся ислам (мусульманство) суннитского толка. Выполнение религиозных обязанностей сводилось главным образом к посещению мечети и совершению пятикратной ежедневной молитвы. Число мечетей в районах, населенных кара-калпаками, было довольно значительно. Помимо мечетей довольно заметную роль в распространении религиозных предрассудков играли мазары — мавзолеи мусульманских святых, из которых наибольшей популярностью пользовался до последнего времени мавзолей Султан Увейса (Султан-баба), расположенный в довольно пустынной местности среди склонов горы того же наименования. В числе многочисленных посетителей мазара Султан-баба виднее место занимали женщины, страдавшие от бесплодия, надеявшиеся получить исцеление в результате молитвы, совершенной у мавзолея святого.

Благодаря непосредственной близости к Хиве, являвшейся одним из виднейших центров религиозного просвещения на северных окраинах Средней Азии, количество духовных лиц в Кара-Калпакии было довольно значительно. Помимо имамов (настоятелей) многочисленных мечетей и шейхов (хранителей) мазаров, духовенство пополнялось также за счет различных бродячих проповедников, представителей религиозно-мистических орденов, — дервишей, диванэ и т. д., а также так называемых ишанов — духовных старцев, руководивших религиозным воспитанием своих последователей — муридов — в мистическом духе суфизма (тасаввуф). К числу распространителей религиозного «благочестия» следует отнести также довольно многочисленную группу преподавателей местных конфессиональных школ (мектеб), профессионалов-чтецов корана (кары), а также казиев (судьи по шариату), с их консультантами и помощниками, и ряд других категорий. Вся эта масса людей, не занимавшихся почти ничем, кроме религиозной пропаганды и присуждения различного рода кар за нарушение предписаний шариата (казии), жила исключительно за счет средств, вымогавшихся под видом добровольных подаяний со стороны верующих, что вместе с различного рода официальными налогами и поборами ложилось тяжелым бременем на скудный бюджет местного населения.

Наряду с официальной религией — исламом в народе имели распространение также пережитки некоторых верований до-мусульманского происхождения, как, напр., вера в различного рода заклинания, вера в сверхъестественные свойства некоторых животных, напр., культ тигра (жолбарс), и некоторые другие. С пережитками же до-мусульманских верований связаны и некоторые обряды (свадебные, похоронные и др.), выполнение которых не вытекает из предписаний ислама.

Отрицательное влияние религии и духовенства на народную жизнь не ограничивалось одними только поборами и вымогательствами, но распространялось также на многие стороны общественной и личной жизни. Без участия духовных лиц не обходилось ни одно семейное или общественное торжество или сколько-нибудь выдающееся событие, особенно в городах и районах, близких к городским центрам. В случае тяжелой или затяжной болезни, когда исчезала надежда на помощь со стороны знахаря, или табиба, многие больные, особенно женщины, обращались за помощью к духовенству, обычно к шейхам мазаров, полагая, что соприкосновение со «святым» местом может принести исцеление.

Значительное число лиц из духовенства было занято изготовлением амулетов, продававшихся по высокой цене всем желающим предохранить себя или своих детей от разного рода болезней.

Живя за счет приношений и пожертвований, духовенство, естественно, тяготело всегда к тем, кто мог дать больше, т. е. к богатым, и оказывалось поэтому

всегда на их стороне, когда возникало какое-либо дело между богачом и бедняком. С особой яркостью это сказывалось в решениях судей (казиев), продажность которых являлась неисчерпаемой темой народных сатир.

Царская администрация в деятельности мусульманского духовенства обычно не вмешивалась, за исключением тех отдельных случаев, когда эта деятельность принимала явно нежелательное для правительства направление.

Народное творчество. Вопреки стремлениям духовенства, а также правительственных кругов, пытавшихся подчинить своему влиянию все стороны народной жизни, народное творчество кара-калпаков развивалось вполне самобытными путями, чрезвычайно далекими от тех целей, какие преследовались клерикальной пропагандой. Виды народного творчества крайне разнообразны; сюда входят: пословицы — макал, загадки-скороговорки в стихах и прозе — жумбак, жанылбаш, накыл, разнообразные виды песен, сказки — ертеке, произведения народного эпоса — жыр и т. д. Из отдельных видов песен можно отметить песни свадебные — бет ашар, айтум, хаужар, похоронные — жоклау, колыбельные — бала жувайту, песни-диалоги, возникавшие экспромтом в состязаниях между молодыми людьми и девушками на вечеринках — жуап, исторические — толгау, религиозно-нравоучительные, распевавшиеся во время годовых религиозных праздников (байт, рамазан), и ряд других. Существовали, кроме того, специальные виды песен о женской доле, а также особые песни, исполнявшиеся во время полевых земледельческих работ — жайдари косуклар.

Значительным богатством произведений отличается также каракалпакский эпос. Большой популярностью пользовалась (и пользуется до сих пор) известная поэма об Едигее (Идыге-батыр), в основе своей относящаяся к историческим событиям в Золотой Орде в конце XIV в. (борьба между Тимуром и Тохтамышем, с участием Едигея). Из прочих эпических произведений среди каракалпаков известны: «Алпамыс-батыр», «Кобланды-батыр», «Шура-батыр», «Мас падча» и ряд других. Наименее известной даже среди специалистов является последняя из названных поэм — «Мас падча» («Веселый царь»), где в числе главных героев выступает девушка Ай-паршин, наделенная красотой и необыкновенным мужеством. Содержание поэмы — героическая борьба каракалпаков с калмыками и, отчасти, кызылбашами (персами) за свою независимость. Действие происходит на территории, входящей отчасти в состав современной Кара-Калпакии. На территории Кара-Калпакии выступают также, отчасти, герои других исторических поэм. Так, Алпамыс-батыр действует в районе современного Кунграда, Шура-батыр владеет районом современного Шейх-Аббаса (Шаббаз), откуда совершает свой поход на Казань, и т. д. Сказители были — певцы (жирау) пользуются широкой популярностью и любовью народа.

Были распространены среди каракалпаков в устной передаче также любовно-героические романы, как Юсуф Ахмед, Безерген, Мелике Диль-арам, Ашик-гариб, Шахзаде и некоторые другие, пользовавшиеся большей частью известностью также среди других народов Средней Азии. Исполнители-певцы романов — баксы — пользовались такой же популярностью, как и сказители эпических произведений — жирау. Баксы пели под аккомпанемент домбры, жирау — под аккомпанемент кобыза (см. ниже).

Писанной литературы у каракалпаков до революции не существовало. Все произведения народного творчества дошли до наших дней в изустной передаче и записываются только в последнее время. В последнее же время была записана и та группа художественных произведений, которая является продуктом индивидуального творчества каракалпакских народных поэтов — шаыр — преимущественно второй половины XIX — начала XX вв. Имена многих из этих поэтов пользуются известностью и в настоящее время. В качестве наиболее известных из них назовем следующих:

Кун-кожа, писавший свои стихотворения в конце XIX — в начале XX вв.; наибольшей популярностью пользуется стихотворение Кун-кожи «Тие» (Верблюды), представляющее собою необычайно едкую сатиру на хивинского хана. Подробных биографических данных о Кун-коже до нас не дошло. Рассказывается, что Кун-кожа участвовал в конкурсе хивинских поэтов в начале текущего столетия.

Аджи Нияз-ахун («акын») происходил из бедной каракалпакской семьи, из племени конграт, поколения ашамайлы. С помощью родственников Аджи Ниязу удалось окончить мектеб, после чего он учился некоторое время в одном из хивинских медресе. По выходе из медресе поэт возвратился к себе на родину, где своим поэтическим дарованием обратил на себя внимание своих современников. Широкою известностью доставила Аджи Ниязу его встреча с казахской поэтессой Мэнэш, побужденной им в результате происшедшего поэтического состязания. Значительной популярностью пользовалась составленная Аджи Ниязом историческая поэма «Боз-атау»,¹ написанная, по словам А. Бегимова, в шестидесятых годах XIX в. Содержание поэмы — описание подвигов племени конграт, завоевавшего Боз-атау и пострадавшего затем от грабительского набега хивинцев. Поэма содержит также весьма интересный исторический и этнографический материал для характеристики своей эпохи (повидимому, середина XIX в.). В качестве музыкального произведения «Боз-атау» выделяется своей особой мелодией, не похожей на другие подобного рода музыкальные произведения. Аджи Нияз известен также как лирик. Рукописи-автографы произведений Аджи Нияза до сих пор не обнаружены. Текст стихотворений известен по записям других лиц — повидимому, современников поэта. Аджи Нияз известен также под своим литературным всеподомимом «Зивар» (украшенный).

Весьма популярен был также поэт Бердак-баксы (Берды Мрат), живший во второй половине XIX в. Его наиболее известное произведение «Шеджре» (Родословная) содержит в себе художественный стихотворный рассказ из прошлой жизни кара-калпаков. Наряду с чрезвычайно яркой характеристикой отдельных каракалпакских племен и героев, «Шеджре» содержит в себе также подробное повествование о героической борьбе каракалпакского народа против деспотизма хивинских ханов, в частности, о восстаниях, возглавлявшихся Ай Дост-бием и Эр Назар-бием в 1827 и 1856 гг. Эр Назар-бий изображается как народный герой, самоотверженно борющийся за общее народное дело. Из прочих произведений Бердак-баксы известны его стихотворения «Алты кыз» (Шесть девушек), «Кожа» (Холка) и некоторые другие.

Пользуется известностью также умерший в 1927 г. поэт Кул Мрат-шаыр из племени кыят, написавший весьма популярное стихотворение «Он тогуз» (Девятнадцать). В стихотворении выражается протест со стороны девятнадцати человек против существовавшей при царском правительстве фальшивой системы выборов волостных управителей, благодаря которой у власти становились, вопреки воле народа, недостойные люди только потому, что они не скупились на взятки и подкупы. «Он тогуз» представляет собою чрезвычайно едкую сатиру, направленную против царской администрации.

Из прочих старых народных поэтов следует отметить Утэш-шаыра, Сарыбай-шаыра, Аян-бергена Мусаева (умер в 1936 г.) и некоторых других, стихотворения которых до сих пор пользуются широкою популярностью в народе.

Народная поэзия у кара-калпаков, как и у большинства других народов Средней Азии, тесно связана с музыкой и пением. Народные поэты и сказители всегда декламируют свои произведения нараспев, часто помогая себе в этой декламации музыкальным аккомпанементом. Существуют особые мелодии и ритмы для эпических произведений, исполняемых жирау под аккомпанемент кобыза, так же как и для любовно-героических новелл-романов или лирических стихо-

¹ Название одной из местностей в северо-восточной части современной Кара-Калпакии.

творений-песен. Для некоторых, особо популярных произведений создавались свои особые мелодии, не повторявшиеся при исполнении других вещей, как это отмечалось выше, напр., в отношении поэмы «Боз-атау». Говорить об особенностях музыкального творчества кара-калпаков, в частности о чертах его сходства или отличия от музыки соседних народов, представляется пока преждевременным в виду полной неизученности вопроса.

Наиболее популярными из музыкальных инструментов среди кара-калпаков является домбра, или дутар, — тип своеобразной балалайки с двумя струнами и кобыз — особый род скрипки. Из прочих инструментов можно отметить гырджек (смычковый), зурна и буламан (духовые — типа флейты), бубны и некоторые другие.

Танцы среди кара-калпаков широким распространением не пользовались. Значительной популярностью пользовался народный театр, устраивавший свои представления в базарные дни в Чимбае и других наиболее крупных населенных пунктах. Приглашался театр также на тои (торжественные угощения), устраивавшиеся у частных лиц. Выступление артистов — масхарабаз — представляли пляски бачей (разряженных мальчиков), а также борьба и некоторые другие предварительные «номера». Видное место в репертуаре народного театра занимали небольшие сатиры-комедии, высмеивавшие взяточничество казиев (народных судей), а также продажность духовенства и несправедливость некоторых начальствующих лиц. Нередко ставились комические пьесы, сюжетом которых являлось изображение в лицах ссоры между узбеком и казахом. Такого рода «постановки», отражавшие в себе межнациональную борьбу, действительно имевшую место в Амударьинском отделе при царском правительстве, часто заканчивались массовыми драками между зрителями разных национальностей.

Изобразительное искусство кара-калпаков не достигало значительного развития, ограничиваясь, как уже отчасти отмечалось выше, вышивкой на некоторых предметах женского одяния, некоторыми ковровыми украшениями для юрты и, отчасти, резьбой по дереву (шкафчики — сабаяк, двери юрты) и — весьма редко — тканьем ковров. Орнамент преобладает геометрический и стилизованный растительный; реже встречаются изображения животных. По своему орнаменту и стилю многие из каракалпакских вышивок являются совершенно оригинальными, не встречая каких-либо параллелей в изобразительном искусстве соседних народов (казахов, туркмен, узбеков).¹

Народное образование. Дело народного образования в Кара-Калпакии стояло до революции на чрезвычайно низком уровне. Процент грамотных среди всех местных национальностей был совершенно ничтожен. Из 93 000 человек, говоривших в год переписи 1897 г. по-каракалпакски, грамотных оказалось менее 3.2%. На весь Амударьинский отдел существовало одно только городское училище, открытое еще в семидесятых годах XIX в., и два так называемых русско-туземных. Первая из названных школ находилась в г. Петро-Александровске (современный Турткуль) и обслуживала почти исключительно нужды европейского населения города. Представители местных национальностей, в том числе и кара-калпаки, встречались здесь в виде редкого исключения и были представлены преимущественно детьми состоятельных или богатых родителей. Русско-туземные школы предназначались для детей (только мальчиков) коренного населения. В программу школ входило преподавание русского языка и общеобразовательных предметов в объеме курса начальной школы. Обучение происходило на русском языке. Наряду с указанными предметами в программу входило также изучение родного языка, а также начатков мусульманского вероучения.

¹ Многими из приводимых в настоящем разделе сведений автор обязан бывшему председателю Союза советских писателей Кара-Калпакской АССР А. Бегимову, а также директору Научно-исследовательского института языка и литературы при Наркомпросе той же республики К. Аимбетову и писателю Н. Даукараеву, за что приносит всем названным товарищам свою искреннюю благодарность.

В соответствии с таким двойственным составом программы штат русско-туземной школы состоял из двух преподавателей: одного — с европейской специальной подготовкой и другого — муллы. Роль русско-туземных школ в деле распространения грамотности среди коренного населения Амударьинского отдела, в том числе и среди кара-калпаков, была ничтожна, прежде всего в силу их малочисленности. Популярностью среди населения школы не пользовались, отчасти, вследствие неудовлетворительности их программы и низкого качества преподавания, отчасти в силу того понятного недоверия, с каким относилось местное население ко всем мероприятиям колониальной власти, в том числе и в области школьной политики. Имела значение также агитация со стороны местного мусульманского духовенства, опасавшегося, что знакомство с русским языком может отрицательно повлиять на религиозное мировоззрение учащихся в русско-туземных школах.

Другим типом школы, имевшим несравненно более широкое распространение в Амударьинском отделе до революции, является мектеб — конфессиональная мусульманская школа. В 1890 г. в Амударьинском отделе было зарегистрировано всего 362 мектеба с количеством учащихся в них свыше 7600 человек. Довольно значительная часть из указанного общего количества школ приходилась на районы с преобладанием каракалпакского населения. Мектеб являлся типичной школой конфессионального (церковного) типа, вся программа которой сводилась к воспитанию учащихся в духе мусульманского благочестия. Оканчивающий курс мектеба должен был уметь читать, хотя бы механически, определенные отрывки из корана и знать основные обязанности мусульманина. Читавшиеся в мектебе религиозные книги были написаны на непонятном для учащихся арабском или персидском языке и заучивались наизусть, механически. Родной язык почти не изучался, общеобразовательных предметов не существовало. Рецидив неграмотности после нескольких лет обучения в мектебе представлял собою довольно обычное явление. Срок обучения в мектебе был различен: в зависимости от подготовки преподавателя — от трех до шести лет. Телесные наказания широко применялись. Количество учащихся в отдельных мектебах колебалось от десяти до тридцати человек (в среднем около двадцати). Содержались мектебы за счет родителей учащихся; числился обычно при мечетях. Существовали также специальные мектебы для девочек с еще более упрощенной программой. Преподавание здесь велось учительницей, так или иначе умевшей прочитывать изучавшиеся в школе религиозные тексты. Часть оканчивающих мектеб поступала затем в высшие богословские школы — медресе, обычно хивинские. В Амударьинском отделе в 1890 г. было зарегистрировано одно медресе (повидимому, в Нукусе). Воспитанники медресе, возвратившись к себе на родину, занимали здесь должности имамов, казиев, муфтиев и т. д.

Язык и письменность. Каракалпакский язык относится к северо-западной, или кипчакской, группе тюркских языков. Он наиболее близок к ногайскому и казахскому языкам; на его морфологию и синтаксис оказали также влияние хорезмские диалекты Узбекского языка. В каракалпакском языке, как и в ряде других тюркских языков и наречий, до сих пор сохраняются законы сингармонизма, губного притяжения и ассимиляции согласных. К числу наиболее важных особенностей каракалпакского языка следует отнести замену ξ звуком s в словах *baş* — «голова», *taş* — «камень» (вместо *baş, taş* в других тюркских языках) и замену s звуком ξ в словах *ға* — «бегти», *а* — «открой» (вместо *qas, as* в других тюркских языках), а также устойчивость ξ в позиции перед звонкими и глухими согласными, напр. в словах *qızlar* «девушки» (вместо *qızdar* в казахском языке), *taşlar* — «камни» (вместо *tastar* в казахском языке).

Собственной письменности у кара-калпаков до революции не существовало. Незначительное число грамотных пользовалось арабским алфавитом, имевшим распространение в Хиве и среди других соседних народов. Памятников

старой каракалпакской письменности, в том числе и сочинений их грамотных поэтов, до нас не дошло, за исключением, повидимому, одного только списка «Шежре» (уже упоминавшегося выше поэта Бердака-баксы), переписанного, как полагают, рукой автора. Вполне понятно также, что книги на каракалпакском языке до революции не издавались; пользовалась некоторым распространением лишь литература, издававшаяся на языках соседних народов, главным образом на узбекском языке. Незначительная группа лиц, учившихся в медресе, имела возможность читать арабскую и персидскую литературу, преимущественно религиозного содержания. Лишь единицы могли пользоваться литературой на русском языке.

III

Историческая справка. Борьба трудящихся за создание революционной власти в Кара-Калпакии после Октябрьской социалистической революции носила крайне упорный и длительный характер и завершилась окончательной победой несколько позже, чем в центральных районах Средней Азии. Наряду с представителями местных баев, мулл, белогвардейцев и агентов Временного правительства, в борьбе против власти трудящихся выступил также главарь белобандитских басмаческих шаек Джунaid-хан, из туркменского племени йомутов, возглавлявший так называемую туркменскую партию в Хивинском ханстве. В условиях почти полной оторванности Амударьинского отдела от Ташкента и других центральных городов Средней Азии, трудящиеся Кара-Калпакии не могли получить немедленно достаточной поддержки со стороны рабочего класса революционной России и руководящих органов советского Туркестана и были вынуждены собственными силами отражать напор враждебных элементов.

Вокруг Джунaid-хана группировались силы контрреволюции. В конце 1918 г. Джунaid-хан переправился со своими сторонниками через Амударью и неудачно пытался захватить г. Турткуль, где были сосредоточены все местные революционные силы. Население выстроило вокруг города высокую глинобитную стену¹ и около двух недель выдерживало осаду со стороны неприятеля, пока не пришла помощь из советского Туркестана. Во второй половине 1919 г. в Чимбае вспыхнуло кулацкое восстание, во главе которого стояли один из бывших хивинских сановников и несколько каракалпакских биев. Получив поддержку оружием и деньгами со стороны одного из помощников оренбургского атамана Дутова, стоявшего в это время во главе контрреволюционно настроенной части оренбургского казачества, восставшие приступили к активным действиям. В конце 1919 г. главари кулацкого восстания овладели Нукусом, после чего пытались организовать наступление на революционный центр Кара-Калпакии — Турткуль, но вскоре были разбиты подошедшим отрядом революционных войск. После окончательной ликвидации Чимбайского кулацкого восстания, в первой половине 1920 г., создались необходимые условия для прочной советизации районов Кара-Калпакии. Население Амударьинского отдела Сырдарьинской области, переименованного уже к этому времени в Амударьинскую область, делившуюся на два уезда — Чимбайский и Шураханский, с соответствующим разделением на волости и аулсоветы, получило возможность приступить к созданию нормальных органов советской власти и планомерному вовлечению трудящихся в дело управления страной.

Пользуясь отдаленностью района и трудностью сообщения с центральными районами Средней Азии, местное байство и прочие контрреволюционные элементы в двадцатых годах еще не раз пытались организовать в отдельных районах Кара-Калпакии белогвардейские басмаческие шайки, чтобы с помощью их наносить ущерб советскому государству; однако попытки эти не имели сколько-нибудь

¹ Большая часть стены сохранилась до настоящего времени. По переписи 1920 г., в Турткуле числилось 3485 жителей.

значительных результатов, так как получали отпор со стороны подавляющего большинства местного крестьянства и трудящихся города.

В период национально-государственного размежевания Средней Азии в конце 1924 г. Амударьинская область, как территория с преобладающим кара-калпакским населением, была выделена в самостоятельную национально-политическую единицу — Кара-Калпакскую автономную область, с присоединением к ней Ходжейлинского и Кунградского округов Хорезмской народной советской республики, образовавшейся в 1920 г. на территории бывшего Хивинского ханства. До марта 1932 г. Кара-Калпакская автономная область входила в состав Казахской АССР, а затем была преобразована в автономную республику, вошедшую непосредственно в РСФСР. С момента введения Сталинской Конституции Кара-Калпакская АССР входит в состав Узбекской ССР.

В годы сталинских пятилеток Кара-Калпакия при помощи рабочего класса Советского Союза и боевого авангарда ее — Всесоюзной Коммунистической партии большевиков из отсталой бедной царской колонии превратилась в один из цветущих районов Советского Союза, несмотря на всяческие рода попытки вредительства со стороны троцкистско-бухаринской агентуры и местных буржуазных националистов.

Социалистическая реконструкция быта. Советизация Кара-Калпакии началась в исключительно сложной обстановке. Дело заключалось не только в значительно затянувшейся гражданской войне, происходившей в условиях почти полной оторванности края от основных политических центров советского государства, но и главным образом в остром недостатке тех человеческих кадров, особенно из среды местного населения, которые могли бы считаться сколько-нибудь подготовленными для руководства работой на местах. С другой стороны, перерыв экономических связей с центральными промышленными районами вызвал значительный хозяйственный кризис, особенно усилившийся в конце империалистической войны и в период разгрома восстания 1916 г. Гражданская война не могла, разумеется, не обострить этого кризиса еще более. Восстановление хозяйственной жизни края протекало крайне медленно не только в силу указанных выше условий, но и потому, что все соответствующие мероприятия еще не окрепших, молодых советских органов наталкивались на упорное сопротивление со стороны представителей враждебных классов. Используя еще не ликвидированные к моменту революции пережитки патриархально-феодальных отношений, местное байство, совместно с мусульманским духовенством и представителями старой царской администрации, во многих местах продолжали сохранять за собою большую часть принадлежавших им ранее земель и скота и, в соответствии со своим хозяйственным весом в кишлаке и ауле, продолжали еще держать в кабальной зависимости от себя неимущую часть сельского населения.

С наибольшей остротой влияние нетрудового элемента сказывалось на организации весенних и осенних работ по очистке оросительных каналов — казу, главная тяжесть которых попрежнему перекладывалась на неимущие, зависимые слои сельского населения, в то время как богатая и зажиточная его часть, державшая в своих руках низшую водную администрацию (мирабов), оставалась почти целиком в стороне. По мере того как росла и укреплялась организация широких масс батраков и трудового крестьянства, влияние баев и мулл становилось менее заметным, хотя и продолжало еще в том или ином виде сказываться вплоть до окончательного уничтожения его в период коллективизации в 1929—1931 гг.

Коллективизации в Кара-Калпакии непосредственно предшествовала советизация казу, выразившаяся в том, что основная тяжесть производства оросительных работ — казу — была переложена на кулацкие и зажиточные слои кишлака и аула, в соответствии с размерами их земельных владений. Малосостоятельная часть крестьянства была или вовсе освобождена от участия в казу или работала

за плату. Важное значение имело при этом то обстоятельство, что наряд на ирригационные работы в каждой волости и аулсовете исходил теперь не от водной администрации, находившейся под влиянием богатых, а от общих собраний батраков и беднейшей части крестьянства. Одновременно с советизацией казу в различных районах Кара-Калпакии было в течение 1928—1929 гг. ликвидировано свыше трехсот хозяйств полуфеодалного типа. Земля, рабочий скот и инвентарь ликвидированных хозяйств были распределены среди батраков и исполщиков, работавших в большинстве в тех же хозяйствах. Оба указанные мероприятия, соответствовавшие по своему социальному смыслу земельно-водной реформе, проведенной двумя-тремя годами ранее в центральных районах Средней Азии, нанесли окончательный удар остаткам феодально-крепостнических отношений в аграрном строе Кара-Калпакии и подготовили почву для коллективизации. Коллективизация, задачи и цели которой вполне соответствовали стремлениям широких масс местного, обездоленного в прошлом крестьянства, встретила ожесточенное сопротивление со стороны кулацко-байских элементов. Они пускали в ход всевозможные средства, чтобы доказать, якобы, неприемлемость проводимого мероприятия для крестьянства. Усиленную агитацию против коллективизации вело также местное мусульманское духовенство. Убедившись в невозможности достигнуть своей цели словом, бай и муллы пытались организовать различного рода вредительские и террористические акты в виде поджогов или покушений на отдельных работников и сельских активистов; однако все такого рода попытки существенных результатов не имели, поскольку они не встречали поддержки со стороны широких масс населения, стоявших целиком на стороне советских органов.

Лучшим показателем отношения широких крестьянских масс к политике коллективизации является тот факт, что вместо десяти колхозов, имевшихся на территории Кара-Калпакии в 1927 г., на 1 января 1930 г. их было 47, а на 10 мая того же года — уже 205, с 11 752 входившими в их состав хозяйствами и с общей земельной площадью в 20 850 га, что составляло около 20% всей орошаемой площади Кара-Калпакии в то время. К концу 1936 г. на территории Кара-Калпакии имелись 969 колхозов, объединявших свыше 82% всех хозяйств республики. Колхозам, вместе с совхозами, принадлежит около 97% всей земельной площади Кара-Калпакии АССР. Приблизительно в такой же степени значителен удельный вес обобщественного сектора и в отношении поголовья скота, в частности — в ковчезе скотоводческого Тамдынского района.

Объединение множества разрозненных мелких и бедных дехканских (крестьянских) хозяйств в мощные коллективы-колхозы дало возможность заменить прежний примитивный сельскохозяйственный инвентарь различного рода усовершенствованными орудиями и машинами, что не только облегчило сельскохозяйственный труд, но и значительно повысило его производительность. Уже в 1937 г. на колхозных полях Кара-Калпакии работали 982 трактора, 3459 хлопковых сеялок и целый ряд других сложных машин, совершенно недоступных ранее не только для бедного, но даже и для среднего индивидуального крестьянского хозяйства. Агротехника достигла в настоящее время высокого уровня. Широко применяются минеральные и органические удобрения. Прежние водоподъемные колеса — чигири — постепенно заменяются насосными станциями, работающими при помощи тракторов, что в значительной мере облегчает поливку полей в высоко расположенных местах. Широко применяется техника также при работах по очистке больших оросительных каналов, где вместо лопаты и кетменя во многих местах работают теперь землесосы. В районе ниже Нукуса построен новый магистральный канал Кыз Кеткен, с инженерным головным сооружением, вполне обеспечивающий поливы на площади в 60 000 га. Произведено переустройство также ряда других оросительных сооружений (Истемес и др.), что оказалось возможным благодаря большим правительственным ассигнованиям на нужды ирригационного строительства. Достаточно указать, что за период с 1929 по

1937 г. на ирригацию Кара-Калпакской АССР было отпущено свыше 25 млн. рублей.

В результате всех указанных мероприятий общий уровень сельского хозяйства Кара-Калпакии резко повысился. Вместо зерновых и других малопродуктивных продовольственных культур, занимавших основное место в посевах кара-калпака до революции, теперь значительное место занимают посевы высокопродуктивного хлопка, площадь которого возросла в Кара-Калпакии по сравнению с данными 1913 г. почти в 5 раз (около 50 000 га в 1938 г. вместо 9000 га в 1913 г.). Урожайность хлопчатника в связи с улучшением колхозной агротехники быстро растет: вместо 3—4 ц с 1 га в 1934 г. было собрано около 14 ц (в среднем по республике) в 1938 г. В отдельных колхозах в 1938 г. было собрано по 35 и более центнеров с 1 га.

Большое распространение получили также посевы люцерны, разводимой в настоящее время ради высококачественных ее семян, пользующихся широким спросом за пределами Кара-Калпакии.

В области животноводства подъем выразился в значительном увеличении поголовья скота, улучшении пород, а также в повышении выхода молодняка и уничтожении повальных заболеваний животных. Общее поголовье скота в колхозах и КТФ увеличилось с 77 300 голов в 1935 г. до 129 500 голов в 1937 г. Усиленно развивается каракулеводство, представляющее одну из важнейших отраслей местного животноводства. В 1934 г. каракулевых овец было 89 800 голов, в 1937 г. количество их достигло 148 800 голов. Шелководство также усиленно развивается. Если в 1911 г. сбор сухих коконов выражался в количестве 57,6 ц, то в 1937 г. он достиг уже 1179 ц. Урожай грены в 1911 г. выражался в 8 кг, в 1937 г. — 33,9 кг с 1 коробки.

Не меньшие успехи достигнуты также в области промышленности. Поставленная еще в 1925 г. товарищем Сталиным задача — «создать промышленные очаги в советских республиках Востока, как базы для сплочения крестьян вокруг рабочего класса»,¹ — разрешается в Кара-Калпакии соответствующим образом. До революции на территории современной Кара-Калпакской АССР был единственный более или менее крупный хлопкоочистительный завод, вырабатывавший вместе с несколькими заводиками полукустарного типа около 1000 т волокна в год. В настоящее время в республике работают четыре хорошо оборудованных больших завода, с общей пропускной способностью в 120 000 т хлопка-сырца в год. За годы сталинских пятилеток около г. Нукуса выстроен единственный в СССР завод для механической очистки семян люцерны, с пропускной способностью 9000 т семян в год. Кроме того, оборудованы 5 заводов по переработке рыбы, создана полиграфическая промышленность в виде пяти типографий, с производительностью до 30 млн. печатных листов оттисков в год, а также оборудована механизированная мельница с пропускной способностью в 6000 т зерна в год. В ближайшее время заканчивается строительство на о. Муйнаке мощного рыбо-консервного комбината, который будет выпускать до 16 млн. банок консервов в год. В Турткуле и других пунктах Кара-Калпакии работает также большое число различных кустарно-промысловых артелей, вырабатывающих главным образом различные строительные материалы, продукция которых оценивалась в 1937 г. в 15,2 млн. рублей в год. Общее количество постоянных рабочих, главным образом кара-калпаков и других местных национальностей, занятых в различных отраслях промышленности, составляет около 4000 человек, не считая 2600 человек наемных рабочих, занятых в сельском хозяйстве (МТС, совхозы и т. д.).

Капитальные вложения со стороны государства в промышленность увеличились с 20 000 рублей в 1928 г. до 2 млн. рублей в 1938 г.

Для успеха дальнейшего развития народного хозяйства большое значение имеет транспорт, созданию которого также уделено много внимания за послед-

¹ И. Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос. Партиздат, 1937, стр. 156.

ние годы. Во всех главнейших направлениях построены удобные шоссевые дороги, наряду с арбой широкое развитие получает автотранспорт, созданы постоянные авиалинии между Турткулем и наиболее отдаленными районными центрами, а также между Турткулем и Чарджуем. Количество судов и тоннаж амударьинского государственного пароходства возросли по сравнению с данными довоенного времени в несколько раз. В такой же степени возрос и грузооборот.

Приведенными краткими данными объем уже произведенного и еще производимого промышленного строительства в Кара-Калпакии далеко не исчерпывается; однако сказанного здесь достаточно, чтобы судить о тех колоссальных сдвигах, какие произошли и происходят в народном хозяйстве республики в наше время.

В связи со сказанным нам становятся понятными резкие изменения материально-бытовых условий жизни кара-калпаков. Даже внешний вид каракалпакских поселений начинает постепенно меняться. Вместо беспорядочно разбросанных, изолированных друг от друга дворов в современных колхозных центрах — селениях — дома и дворы начинают строиться по определенному плану, компактно, что значительно облегчает как осуществление различного рода массовых культурно-просветительных мероприятий, так и непосредственное общение между ближайшими соседями. Улучшается также жилище колхозника. В 1938 г. закончено переоборудование 5385 жилых домов в колхозах Кара-Калпакии. Топка «по-черному» заменена печным отоплением, причем новые печи обычно имеют плиту, в которую вмазывается казан для варки пищи; вместо прежних небольших отверстий в потолке, выполнявших роль окон и дымоходов, прорублены большие светлые окна, произведена побелка стен и т. п. В квартирах колхозного актива не редкость встретить теперь металлическую кровать, стол, шкаф, табуреты и другую необходимую мебель европейского типа, так же как и патефон и радио. Вместе с тем юрты еще не исчезли из употребления, и колхозники пользуются ими наряду с стационарными глинобитными помещениями.

В 1938 г. закончено в Кара-Калпакской АССР строительство в колхозах пятидесяти бань, число которых намечено в ближайшее время значительно увеличить. В ряде колхозов выстроены также отдельные дома специально для колхозных библиотек, клубов и канцелярий.

Большое внимание уделено также строительству конюшен, телятников и других хозяйственных зданий.

В районных центрах и ближайших к ним кишлаках и аулах появляется электрическое освещение, постепенно заменяющее собою древний масляный светильник «чираг» или даже просто свет костра, при скудном свете которых в старое время каракалпакская женщина вышивала свои удивительные узоры. Общий значительный рост материального благосостояния массы городских и сельских жителей отразился также весьма заметно на повышении покупательной способности населения, как это показывают приводимые ниже данные о росте оборотов розничной торговли в Кара-Калпакской АССР. Общая сумма розничного оборота в 1935 г. составляла 80 млн. рублей, в 1937 г. эта сумма достигала уже 172 млн. рублей.

В каком направлении, за счет каких групп товаров происходит увеличение розничного товарооборота, видно из следующих цифровых данных, располагаемых нами в виде небольшой таблицы.

	Группы товаров	1935 г.	1937 г.
		(тысячи рублей)	
1	Продовольственные (чай, сахар, хлебные изделия и пр.)	44 371	86 155
2	Текстильные изделия, обувь и другие предметы одежды	27 440	56 014
3	Посуда, керосин, культтовары и т. п.	8 189	29 831

Приводимые цифры показывают, что значительное увеличение спроса со стороны массы населения в одинаковой мере коснулось и предметов питания и одежды, так же как и целого ряда прочих товаров бытового потребления, в большинстве совершенно незнакомых кара-калпакам в дореволюционный период (мыло хозяйственное и туалетное, предметы санитарии и гигиены и т. п.). Расширение ассортимента текстильных товаров, так же как и завоз готовой одежды разнообразных фасонов, вызвали среди значительной части не только горожан, но и колхозников, интерес к европейскому костюму — мужскому и женскому. На улицах Чимбая, Ходжейли и других отдаленных пунктов Кара-Калпакии можно встретить кара-калпаков, как мужчин, так и женщин, одетых полностью в европейский костюм. В большом ходу шелковые ткани и шелковые головные платки. Нередки случаи также, когда отдельные вещи европейского костюма сочетаются с предметами национальной одежды. Женщины носят часто платье национального покроя, платок, повязанный по-своему, шаровары и вместе с тем европейские туфли. Иногда, наоборот, национальная обувь сочетается с европейским пальто. Среди мужчин можно встретить одетых в камзол, но в кепке, вместо шапки. Любопытно, что среди кара-калпаков большим спросом пользуются «кубанки», особенно среди молодежи. Указанного рода смешанная одежда нередко встречается и у детей.

Питание населения значительно улучшилось. В составе каракалпакских национальных блюд гораздо большую роль стали играть жиры и мясо, недостаток или даже полное отсутствие которых в прежнее время лишали многие кушанья необходимой питательности. Соответственно чаще на столе кара-калпака появляются такие блюда, как каваб, плов и др.

Весьма заметно возросло потребление сахара, чая, изделий кондитерской и консервной промышленности, а также жиров, в частности — растительного масла. Входят в быт картофель, крупы; в супы кладут часто рис. Постепенно внедряются в быт новые, европейские блюда, в первую очередь среди горожан и интеллигенции. В соответствии с распространением новых, незнакомых прежде блюд распространяется и новая посуда — кастрюли, миски, ложки, тарелки и т. п. В связи с возросшим материальным благосостоянием, улучшившимися жилищными условиями и общим повышением культурного уровня гигиенические навыки получают все большее распространение, что сказывается не только в усиленном росте потребления мыла, но и в наблюдении за чистотой посуды, рук, одежды и т. д.

Общественно-политическая и семейная жизнь. Коренные изменения, внесенные революцией в окружающую социально-политическую обстановку, не могли не отразиться также на семейно-бытовой и общественной жизни каракалпакского населения. Многоженство, выдача малолетних замуж и калым уже давно исчезли. Женщина в семье, обществе и в производстве заняла равное место с мужчиной. Одна из каракалпакских женщин, Гульзирэ Артыкова, избрана депутатом Верховного Совета СССР, 8 других — депутаты Верховного Совета Кара-Калпакской АССР, 53 женщины состоят членами районных исполкомов, сотни работают в качестве членов аулсоветов и т. д. Женщины принимают массовое участие в работе партийных, комсомольских, культурно-просветительных и иных организаций, а также во многих отраслях производства и общественной жизни. Многие из них являются энтузиастками стахановского движения на производстве. Девочка-ребенок уже не встречается того пренебрежительного отношения со стороны отца и других членов семьи, как это наблюдалось раньше. Браки уже не являются простыми сделками между родителями, а заключаются только по взаимному согласию сторон.

Во многих колхозах, не говоря уже о городах и районных центрах, широко разворачивается клубная работа, в которой принимают деятельное участие рядовые колхозники, особенно молодежь. Значительная активность проявляется со стороны общественности также в работе советских и профсоюзных, партийных

и комсомольских организаций и добровольных обществ, в частности — союза воинствующих безбожников и обществ физкультуры. Достаточно указать, что на происходившей в конце 1938 г. в г. Турткуле конференции союза воинствующих безбожников присутствовали 84 делегата из районов. Во всех же районах существуют и работают различные спортивные (физкультурные) общества, привлекающие к себе массу молодежи. На развитие и укрепление работы физкультурных обществ правительством Кара-Калпакской АССР было отпущено в одном только 1938 г. около 700 000 рублей. В такой же мере широко разветвлена сеть организаций Осоавиахима, привлекающих значительное число населения к участию в оборонной работе. Служба в Красной армии рассматривается каракалпакской молодежью как одна из самых почетных обязанностей.

Народные праздники проходят с большим оживлением и сопровождаются обычно взаимными угощениями, а также различного рода развлечениями, среди которых видное место занимают музыка и пение, а за последние годы также кино и колхозный самодеятельный театр. Попрежнему большой симпатией со стороны массы населения пользуются базары-ярмарки, происходящие в наиболее крупных населенных пунктах, обычно раз в неделю. На базары съезжаются не только для того, чтобы произвести те или иные покупки, но и ради встреч со знакомыми из соседних селений.

Социально-культурное строительство и народное творчество. Одним из важнейших вопросов, все время стоящих в центре внимания правительственных и партийных органов Кара-Калпакии, является вопрос здравоохранения, приобретающий в местных условиях особо острое значение. Тяжелая материально-бытовая обстановка, являвшаяся постоянным источником различного рода заболеваний в дореволюционной Кара-Калпакии, порождала немало толков даже о вырождении народа. В настоящее время для оздоровления быта сделано уже настолько много, что опасаться массового распространения болезней не приходится, хотя вопрос об усилении медицинской помощи населению, так же как о борьбе со многими глубоко укоренившимися предрассудками и предубеждениями, все же не утратил своего значения и требует к себе постоянного внимания. Вместо одной небольшой больницы и трех фельдшерских пунктов, существовавших в дореволюционной Кара-Калпакии, сейчас здесь имеется 14 больниц на 478 коек, 13 амбулаторий, глазной диспансер на 40 коек, 2 рентгенологических и 2 физио-терапевтических кабинета, 12 фельдшерских пунктов, малярийная станция, 2 венерических диспансера, 9 ветеринарных пунктов, 1 трахоматозный диспансер и 9 трахоматозных пунктов и целый ряд других лечебных учреждений. Кроме того, имеется свыше двадцати детских садов и около десяти детских яслей. Аптеки имеются во всех крупных населенных пунктах. В Кара-Калпакии в настоящее время работает свыше 90 врачей различных специальностей и около 150 человек среднего медицинского персонала. Для подготовки медицинского персонала в г. Турткуле открыт медицинский факультет, фельдшерско-акушерская школа, а также школа медицинских и ясельных сестер. Государственные ассигнования на дело здравоохранения в 1938 г. выразились в сумме 13 746 000 руб. против 291 000 рублей, ассигнованных на те же цели в 1928 г.

Не меньшими заботами со стороны правительства и партии пользуются также дело народного образования и культурно-просветительная работа вообще. В настоящее время в Кара-Калпакии введено всеобщее семилетнее обучение. На территории республики действуют 649 школ, в которых обучаются свыше 70 000 детей обоего пола. Кадры учителей достигают цифры свыше 1700 человек. Ассигнования на дело народного образования выразились в 1938 г. в сумме 41 400 000 рублей. Для подготовки учителей, а также других специалистов в области культурного строительства и народного хозяйства существует ряд специальных учебных заведений, напр.: педагогический институт, педагогическое училище, техникумы — сельскохозяйственные, финансово-экономические и т. п.

В области одного только сельского хозяйства за вторую пятилетку было подготовлено 14 120 специалистов (из кара-калпаков и других местных национальностей) средней и ниже средней квалификации по 34 различным профессиям. Свыше 500 человек кара-калпаков и представителей других местных национальностей учатся в настоящее время в высших и специальных учебных заведениях Ташкента, Москвы и Ленинграда. Отчасти проведена, отчасти проводится в настоящее время большая работа по созданию учебной литературы для начальной школы на каракалпакском языке. Значительная работа проводится также по линии ликвидации безграмотности среди взрослых. В каждом предприятии, учреждении и колхозе организованы и работают кружки ликвидации безграмотности, посещаемые одинаково и мужчинами и женщинами. Усвоение грамотности в значительной мере облегчилось после того, как кара-калпаки отказались от неудобного арабского алфавита и перешли на легко усваиваемый латинизированный алфавит.

В результате всех отмеченных мероприятий грамотность среди населения достигает в настоящее время 50%. Значение этой цифры станет вполне ясным, если мы вспомним, что всего лишь около двух десятков лет назад население Кара-Калпакии являлось почти поголовно неграмотным.

Наряду с различного типа школами широко разветвлена также сеть разнообразных культурно-просветительных учреждений. Нельзя не отметить, напр., такого выдающегося факта большого культурного значения, как возникновение каракалпакского драматического театра. Зарождение каракалпакского драматического театра относится к 1926 г., когда впервые любительской труппой было поставлено несколько пьес на каракалпакском языке. Постепенно развиваясь и привлекая к себе лучшие силы, национальный театр окреп настолько, что уже в 1937 г. был оформлен в качестве государственного. Одной из самых популярных пьес в репертуаре театра в 1938 г. являлась пьеса молодого каракалпакского драматурга А. Дарибаева «Коклен-батыр», воскрешающая перед зрителем один из эпизодов борьбы каракалпакского народа с произволом царской администрации в восьмидесятих годах XIX в. Театр широко использует материалы народного творчества, включает в пьесы инсценировки из каракалпакского быта, например, вечеринки молодежи.

Помимо каракалпакского и русского государственных театров и театров юных зрителей, на территории Кара-Калпакской АССР в 1938 г. существовало также девять колхозных театров, выступающих с самыми разнообразными, нередко импровизированными постановками перед колхозными зрителями. В настоящее время перед литературной общественностью и Комитетом по делам искусств Кара-Калпакии стоит вопрос об обеспечении колхозных самостоятельных театров соответствующими пьесами. В ближайшее время заканчивает свою подготовку в Москве каракалпакская художественная студия. При радиокомитете работает национальный ансамбль, включающий в себя, помимо оркестра, певцов и танцоров.

В музыкальном училище в г. Турткуле учатся в настоящее время 75 детей. Нельзя не отметить также важности работы по подготовке режиссеров для колхозных театров и кружков самостоятельности, которая проводится в настоящее время под руководством Комитета по делам искусств.

На территории республики имеется также 12 кинотеатров, около 40 кинопередвижек, республиканская радиовещательная станция и 11 трансляционных узлов, обслуживающих значительную массу радиослушателей, не исключая и самых отдаленных колхозов. Кроме того, в 1938 г. работало около 75 библиотек, свыше 70 клубов (в том числе около 40 колхозных), около 20 изб-читален и 16 различных кружков самостоятельности.

Получило значительное развитие также издательское дело. В 1938 г. в Кара-Калпакии издавалось 10 газет на каракалпакском языке, в том числе 7 районных, и одна — на русском, с общим тиражом в 53 000 экземпляров, и два

журнала; выпущено большое количество литературы на каракалпакском языке как оригинальной, так и переводной. В последней, наряду с учебной, технической и прочей литературой, видное место занимают также переводы классиков марксизма-ленинизма, а также на каракалпакском языке уже издан Краткий курс истории ВКП(б).

Широкое распространение культуры и рост материальной обеспеченности, так же как и значительный общественный подъем, который переживает в годы Сталинских пятилеток Кара-Калпакия, не могли не отразиться также и на усиленном развитии народного творчества, что получило свое отражение, в частности, и в области художественной литературы и в творчестве народных поэтов. За весь период, с момента своего возникновения в 1924 г. вплоть до ликвидации Ассоциации пролетарских писателей в 1932 г., каракалпакская литература испытывала на себе влияние местных буржуазных националистических элементов, стремившихся всяческими способами оторвать молодых каракалпакских писателей от удовлетворения назревших запросов советской общественности. В этом именно обстоятельстве заключается разгадка того факта, что каракалпакская художественная литература в ранний период ее существования не оказала значительного влияния на умственную и художественную жизнь народа и не дала, за немногими исключениями, достаточно ценных памятников. Одним из исключений является пьеса А. Бегимова «Освобожденные от гнета» («Корлыкдан азад»), написанная в 1929 г. и несколько лет не сходящая со сцены. Сюжет пьесы взят из жизни каракалпакских пастухов, выпасающих стада богатых баев; время — 1917 год.

С разоблачением националистических вредителей на литературном фронте и созданием в 1932 г. Союза советских писателей каракалпакская литература вступила на путь подъема. Помимо целого ряда стихов, поэм и рассказов каракалпакские советские писатели создали за последние годы также ряд пьес, частью уже вошедших в репертуар государственного драматического театра. К числу новых пьес относится уже отмечавшаяся выше пьеса А. Дарибаева «Жокленбатыр», а также «За Советы» и «Сын родины» Аймурзаева, «Булкым?» («Кто это?») А. Бегимова и ряд других. Представляют интерес также пьесы «Азатлык ердеры» («Свободная земля») Кожа Ниязова и «Серго» Мавленова. Авторы двух последних пьес — представители молодой колхозной интеллигенции. Большинство названных пьес написано на сюжеты гражданской войны в Кара-Калпакии или в соседних с нею республиках Средней Азии. Перерабатываются для сцены также народные эпические произведения — «Едигей», «Алпамыс» и некоторые другие. Над первой из названных пьес работает А. Дарибаев, над второй — Н. Даукараев, известный поэт, автор романа «Агроном». Из стихотворных произведений следует отметить поэму Аймурзаева «Кыз Кеткен», посвященную открытию известного одноименного канала.

Одной из положительных черт каракалпакской советской литературы является ее народность. В ее произведениях отражаются лучшие традиции народной литературы. Она поэтому и близка народу и понятна. К числу лучших знатоков и исследователей народного творчества следует отнести К. Аимбетова, А. Бегимова и Н. Даукариева, много работавших над собиранием памятников каракалпакского народного творчества, изданных, к сожалению, пока только в незначительной части.

Значительно обогатилась за последнее время также переводная литература. На каракалпакском языке изданы или издаются в настоящее время: «Мои университеты», «Мать», «Ленин» и некоторые другие произведения М. Горького; «Бахчисарайский фонтан», «Капитанская дочка», «Дубровский», «Цыганы» и ряд других произведений А. С. Пушкина; «Гроза» А. Н. Островского, «Герой нашего времени» и «Демон» М. Ю. Лермонтова, «Шинель» и другие произведения Н. В. Гоголя, «Степь» А. П. Чехова, «Железная дорога» Н. А. Некрасова, «Кавказский пленник» и «Детство» Л. Н. Толстого, отрывки из поэм Байрона, некоторые пьесы Мольера

и ряд других произведений русской и западноевропейской классической литературы. Переведены и переводятся также произведения лучших современных советских писателей: «Поднятая целина» Шолохова, «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Хлеб» А. Толстого и ряд других. Среди довольно многочисленных переводов произведений детской литературы можно отметить «Робинзона» Д. Дефо, «Путешествие Гулливера» Свифта и многие другие.

Из многих современных народных певцов и поэтов выделяются имена Аяпбергана, Курбан Мамед Разметова, Аббаса, Кочкара, Джумгали Сагымбаева, Давлет Яра, Исе Мрат-жирау, Салык-шаыра и некоторых других. Все они поют в своих стихах о счастливой жизни своего народа, о колхозах, о Ленине и Сталине, которым обязан их народ всем лучшим, о Красной армии, о счастливой каракалпакской женщине, о молодежи и т. п. Один из народных поэтов, Казакпай-шаыр, посвятил свою поэму «Алеумет» («Мятеж») восстанию 1916 г., изобразив здесь в художественных образах героическую борьбу каракалпакского народа за свое освобождение от царского гнета.

ЛИТЕРАТУРА

Авдакушин И. Санитарный обзор Амударьинского отдела с 1887 по 1891 г. Сборник материалов для статистики Сырдарьинской области, т. II, Ташкент, 1892.

Альбанов Д. В. Пути промышленного развития Кара-Калпакии. Под ред. А. П. Тетюшева. М., 1936.

Баскаков Н. А. Краткая грамматика каракалпакского языка. М., 1931.

Библиографический указатель литературы по Кара-Калпакии. Изд. Совета по изуч. производит. сил (СОПС) Акад. Наук СССР, М.—Л., 1935. (Рецензия в «Известиях ЦИК» от 17 октября 1936 г.).

Иванов П. П. Очерк истории кара-калпаков в «Материалах по истории кара-калпаков». Тр. Инст. востоковед. Акад. Наук СССР, т. VII, Л., 1935. (Здесь же указана литература о прошлом кара-калпаков.)

Иванов П. П. Архив хивинских ханов XIX в. С предисловием акад. И. Ю. Крачковского. Изд. Гос. Публ. Библиотеки, Л., 1940. (Новые данные о хозяйстве и родовых делениях кара-калпаков.)

Кара-Калпакия. Труды Первой конференции Академии Наук СССР по изучению производительных сил Кара-Калпакской АССР, т. I и II, Л., 1934.

Материалы к районированию Кара-Калпакской автономной области. Изд. Обл. исполнит. ком. Кара-Калпакск. авт. обл., Турткуль, 1926.

Материалы по обследованию кочевого и оседлого туземного хозяйства и землепользования в Амударьинском отделе Сырдарьинской области, вып. 1, Текст. Ташкент, 1915.